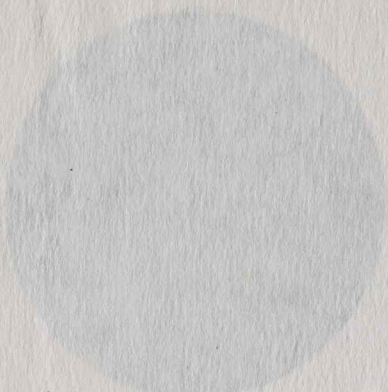

Российский
государственный гуманитарный университет

Российская академия наук

Институт всеобщей истории

*Russian State University
for the Humanities*

Russian Academy of Sciences

Institute of General History

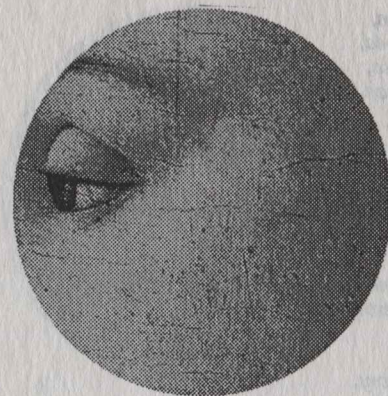
Man in the World of the Feelings

*Essays
on the History of Private Life
in Europe and in Certain Countries of Asia
before
the Modern Times*

*Edited by
Yu.L. Bessmertny*

*Moscow
2000*

Человек в мире чувств

*Очерки
по истории частной жизни
в Европе и некоторых странах Азии
до начала
нового времени*

*Под редакцией
Ю.Л. Бессмертного*

*Москва
2000*

ББК 63.3 (0)

Ч 38

*Руководитель авторского коллектива
и ответственный редактор Ю.Л. Бессмертный*

Авторский коллектив:

*Ю.Л. Бессмертный,
М.Л. Абрамсон,
М.А. Бойцов,
П.Ш. Габдрахманов,
О.Е. Кошелева,
О.А. Кривцун,
А.И. Куприянов,
Е.Н. Марасинова,
Н.Л. Пушкарева,
И.С. Свенцицкая,
А.В. Стогова,
О.И. Тогоева,
П.Ю. Уваров,
Н.Ф. Усков,
М.С. Хайютина,
С.А. Экштут*

*Chief Editor and head of the group of authors
Yuri L. Bessmertny*

Authors:

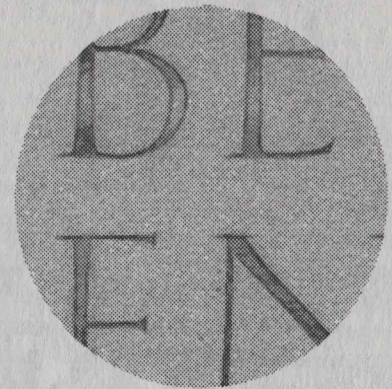
*Yu.L. Bessmertny,
M.L. Abramson,
M.A. Boitsov,
P.Sh. Gabdrakhmanov,
S.A. Ekshtut,
O.E. Kosheleva,
O.A. Krivtsun,
A.I. Kupriyanov,
M.S. Khayutina,
E.N. Marasinova,
N.L. Pushkareva,
I.S. Soentsitskaya,
A.V. Stogova,
O.I. Togyeva,
P.Yu. Uvarov,
N.F. Uskov*

Художник М. Гуров

ISBN 5-7281-0358-8

© Коллектив авторов, 2000
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2000
© Российская академия наук, 2000

Идеи и подходы

Глава 12

Герцог, его слуга и смерть (Австрия, XV век)

Второго декабря 1463 г. в Хофбурге – венском замке Габсбургов – в возрасте 45 лет неожиданно скончался эрцгерцог Австрийский Альбрехт VI, младший брат императора Фридриха III¹. Четыре дня подряд лучшие врачи изучали бранные останки эрцгерцога. По их словам, им еще никогда в своей практике не доводилось видеть, чтобы человеческое тело разлагалось с такой быстротой. Цвет трупa, исходящий от него запах “и другие признаки” дали медикам основание полагать, что эрцгерцог погиб во цвете лет из-за сильнейшего отравления организма². От вскрытия и обычного в доме Габсбургов (как и в других европейских княжеских домах) бальзамирования покойника пришлось отказаться. Дело было не только в зловонии, уже исходящем от трупa, но и в страхе врачей перед распространением отравы через “выбросы свернувшейся крови” из ноздрей мертвеца и из разрывов в его кожных покровах или же при удалении внутренностей³. Авторитетнейший врач Михель Пуфф заявил, что в результате бальзамирования эрцгерцога может пострадать вся Вена. Не стоит и погребать покойного по княжескому обыкновению. Пусть тело Альбрехта будет закопано в ящике с негашеной известью на большой глубине. Известью следовало также доверху засыпать могильную яму. Если это захоронение вскроют раньше, чем через 30 лет, над городом снова нависнет страшная угроза. Одежду, бывшую на герцоге в его последние часы, необходимо без промедления сжечь. Если кто-либо вздумает вдруг надеть какую-нибудь из этих вещей, он умрет самое позднее через час⁴. Впрочем, Альбрехта погребли 7 декабря в

Глава подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант 97-01-00243)

обычном месте упокоения австрийских герцогов – склепе в крипте храма св. Стефана в самом центре Вены⁵. Со временем там появилось и надгробие, правда, весьма скромное – маленькая (“размером всего в один фут и пять пальцев”) мраморная плита с лаконичной надписью готическим минускулом: “Альбрехт, сын Эрнста, герцог Австрии”⁶.

Итак, врачи вроде бы опасались начала эпидемии какой-то смертельной болезни, скорее всего бубонной чумы, и старались предупредить ее. С чумой венские медики были хорошо знакомы – всего за полтора-два года до описываемых событий она лютвала в Вене и ее окрестностях⁷. Но те же самые врачи говорят о какой-то “отраве” (*venenum, gift*), якобы вызвавшей смерть герцога. Слово “отрава” на редкость двусмысленно – средневековый медик вполне может обозначить им причину едва ли не любой тяжелой болезни. И все же исходное и основное значение что латинского слова, что его немецкого эквивалента, произнесенных над телом Альбрехта, – это “яд”. Вряд ли и сами медики в случае с гибелью эрцгерцога – пусть и от чумы – были в состоянии четко провести грань между преступным “отравлением” и случайным “заражением”. Средневековая “эпидемиология”, не имевшая понятия о микробах и вирусах, не могла исключить того, что причиной мора может стать яд – еврейские погромы во времена “Черной смерти” середины XIV в. тому яркое свидетельство. Какие бы тонкие смысловые оттенки ни скрывались, возможно, за профессиональным термином *venenum (gift)*, люди истолковали его однозначно. По Вене стремительно разнесся слух, что эрцгерцог стал жертвой низкого преступления. Имя главного и притом заклятого врага покойного не представляло секрета ни для кого в Австрии, да, наверное, и во всей империи. Этим врагом был не кто иной, как император Фридрих III. Мрачная тень братоубийства легла 2 декабря 1463 г. на венский замок...

По свидетельствам современников, два брата были противоположны друг другу едва ли не во всем. Старший – Фридрих, – по общему мнению, походил на мать – польскую принцессу. Он порой проявлял редкостное упорство в достижении поставленных целей, но вместе с тем бывал обычно так осмотрителен и осторожен, что многим казался (и не всегда без основания) вялым, бездеятельным и даже трусоватым. Судя по бурному темпераменту Альбрехта, в его жилах кипела кровь итальянской бабушки из миланского герцогского дома Висконти. Энергичный и решительный эрцгерцог слыл самым доблестным из всей семьи Габсбургов. Не случайно юный дворянин Георг фон Эинген начал свое “странствие за рыцарственность” с того, что променял спокойное место при блестящем, хлебосольном и беззаботном дворе тирольского государя Зигмунда Габсбурга⁸ на честь оказаться в числе придворных герцога Альбрехта⁹. Георг фон Эинген мечтал попасть к “деятельному князю, чтобы

найти себе применение в рыцарственных деяниях и обучиться всем рыцарским играм”¹⁰. Осуществить свою мечту юноша решил как раз при дворе герцога Альбрехта во Фрайбурге.

В отличие от нудно-благочестивого и недоверчивого Фридриха Альбрехт был жизнелюбив, общителен и открыт для своих приближенных. По словам того же Георга фон Эингена, “у герцога Альбрехта было много превосходных людей, и он держал роскошный княжеский, скорее даже королевский, двор”¹¹. Опять-таки в противоположность брату Альбрехт обожал охоты, турниры, танцы и всякие пышные праздники. Если Фридрих был прижимист до скупости, то Альбрехт с истинно княжеской щедростью раздаривал деньги (за что его подданным приходилось расплачиваться очень высокими налогами). Если Фридрих не любил шума брани, то Альбрехт как истинный рыцарь при любой обиде готов был взяться за оружие. Его девиз был похож на девиз Ордена Золотого Руна: “Сперва удар, а уж за ним взвывается пламя”¹². Никто из Габсбургов в XV в. не вел стольких войн со швейцарцами, как Альбрехт. Он настойчиво стремился расширить швабские владения Габсбургов и хотел примерить не употребившийся со времен Штауфенов титул герцога Швабского. Неугомонный эрцгерцог претендовал, впрочем, и на Милан в качестве родственника и наследника угасших Висконти. При своем вообще-то не слишком блестящем образовании Альбрехт сумел сочетать воинственность с серьезным покровительством наукам. Не кто иной, как он в 1456–1457 гг. основал университет во Фрайбурге – и сегодня славную своей ученостью “Альбертину”. Впрочем, вряд ли здесь было дело в идеалистической любви Альбрехта к образованию. Университеты поставляли ученых юристов, уже столь необходимых в XV в. каждому князю, каждой канцелярии. Поскольку Венский университет находился под влиянием Фридриха III, то Фрайбургский должен был, вероятно, стать еще одним аргументом в споре со старшим братом.

Разумеется, разница в характерах стала лишь исходной предпосылкой для глубокого конфликта, разделившего братьев. Совместное управление семейными землями было давней традицией в доме Габсбургов. Но Фридрих и Альбрехт, судя по всему, понимали ее совершенно по-разному. Первый явно считал, что ему как старшему в роду следует в интересах семьи контролировать все ее владения. Второй же постоянно добивался выделения из общего комплекса габсбургских земель особого удела для себя. Эта принципиальная дискуссия (то или иное разрешение которой не могло не сказаться на судьбе династии) не раз приводила братьев к тяжелым ссорам. Своей кульминации спор достиг летом 1461 г., когда Альбрехт, заручившись поддержкой многочисленных и влиятельных союзников как в самой Австрии, так и за ее пределами, начал войну против Фридриха. Императора к тому времени недолюбливали уже очень

многие его подданные, а потому партия “альбертинцев” явно стала брать верх над “имперцами”. Альбрехт быстро захватил Нижнюю Австрию и подошел к воротам Вены.

От полного поражения Фридриха III спасла лишь твердость венцев, не открывших ворот осаждавшему город Альбрехту. В благодарность император даровал своей столице ее нынешний герб – золотого имперского двуглавого орла. В Вене тогда, кстати, почти полтора года кряду пребывал папский легат – один из самых известных церковных деятелей того времени кардинал Виссарион Никейский, приехавший в Австрию специально для того, чтобы посредничать между братьями¹³. Знаменитый грек вынужден был уехать ни с чем – ни Фридрих III, ни Альбрехт не желали мириться.

С началом следующей военной кампании в 1462 г. императора ожидали самые тяжкие месяцы. Войска Фридриха III были разбиты, его полководцы попали в плен. Ожесточение и ненависть с обеих сторон были очень велики. Война затронула все население страны: и Нижняя Австрия и соседние с ней земли то и дело опустошались войсками и бандами грабителей. Император готов был просить помощи уже у кого угодно, даже у своих заклятых врагов – швейцарцев. Самое скверное состояло в том, что, несмотря на пожалование нового герба, и настроения венцев изменились явно не в пользу старшего из Габсбургов¹⁴. 19 августа в результате народного мятежа был свергнут преданный императору городской совет, а бургомистром стал богатый, влиятельный и самолюбивый скототорговец, бывший венский мюнцмайстер¹⁵ Вольфганг Хольцер. В конце августа Фридрих III лично прибывает в охваченную волнениями Вену. Государя после долгих переговоров заставляют оставить приведенные войска в предместьях и лишь с немногими людьми пропускают в Хофбург, где его давно с нетерпением ждет супруга – прекрасная дочь португальского короля Элеонора – вместе с трехлетним сыном (и будущим императором) Максимилианом. Фридрих III готов идти на некоторые уступки, во второй половине сентября он даже признает Хольцера бургомистром и распускает своих наемников, но это лишь подливает масла в огонь. 5 октября городской совет открыто переходит на сторону Альбрехта и просит его о помощи против императора. Через две недели с небольшим венский замок оказывается в плотном кольце – его стены осаждают мятежные горожане и пришедшие извне отряды “альбертинцев”. 2 ноября Альбрехт победителем вступает в столицу Габсбургов.

Осада почти не подготовленного к обороне замка, в котором находился более чем скромный гарнизон, велась со всей решительностью. Его то и дело обстреливали из больших бомбард так, что обрушили одну башню и разгромили покои императрицы, которой приходилось вместе с маленьким сыном укрываться в нижних этажах и подвалах Хофбурга. Максимилиан на всю жизнь запомнит те собы-

тия своего и без того беспокойного детства. Фридрих III собственными руками укреплял стены, говоря, что будет защищать замок до тех пор, пока не погибнет под его руинами. Среди осажденных начался голод – были съедены все кошки и собаки, каких только удалось обнаружить в замке. Один граф добился от венского совета разрешения передать в Хофбург несколько яиц, немного муки, бульона и молока для юного принца, на которого венцам зла держать было не за что. Однако когда посланец приблизился к стенам замка, осаждавшие во главе с каким-то пекарем, не обращая внимания на объяснения, вырвали продукты из его рук и растоптали их¹⁶. В один из тех дней Альбрехт под колокольный звон всех венских церквей объявил, что его старший брат никогда более не будет править Австрией...

Чешский король Иржи Подебрад решил выступить посредником в этой усобице и сумел-таки добиться заключения перемирия. По договору между братьями Альбрехт получал в управление “на восемь лет” Нижнюю Австрию, включая Вену. Фридриху оставался Нойштадт с округой и 4000 дукатов ежегодно из нижнеавстрийских доходов его брата. Торжествующий Альбрехт лично прочитал с кафедры главного городского храма св. Стефана условия соглашения. Через три недели с небольшим Вена принесла торжественную присягу своему новому господину. Никто тогда не мог даже предположить, что спустя ровно год после заключения договора – день в день – Альбрехт неожиданно умрет...

4 декабря Фридрих III с семьей выехал из Хофбурга под улюлюканье венской черни и отправился в Нойштадт. Накануне ему против собственной воли пришлось встретиться с братом. Один из пунктов соглашения предусматривал, что Альбрехт заново принесет клятву на верность императору. Этот символический акт выглядит на современный взгляд несколько странно: победитель присягает побежденному, более того – принуждает своего фактически поверженного противника принять эту присягу. Но дело, видимо, в том, что в данном случае Фридрих выступает по крайней мере в двух разных ролях: с одной стороны, он предстает австрийским князем, побежденным другим австрийским князем, но с другой – императором, а значит, главным источником закона и легитимности в империи. Тем самым император Фридрих Габсбург должен был, приняв присягу от Альбрехта, утвердить и санкционировать новое положение вещей, т. е. прежде всего поражение австрийского князя Фридриха Габсбурга. Клятва Альбрехта в верности должна была стать официальным опубликованием того факта, что Фридрих III окончательно признал свой проигрыш. Однако и в рамках весьма формализованных церемониальных процедур могут быть найдены ходы, которые в состоянии существенно изменить смысл всего действия¹⁷. Такой ход нашел и Фридрих. Он выполнил то, что от него требовали, приняв присягу у своего брата-врага, но за все время церемонии не удостоил

Альбрехта ни единым словом. На это демонстративное молчание обратили внимание все присутствовавшие. В молчании они, кажется, расслышали и протест, и непримиримость, и обещание сквитаться...

Вскоре император на случай собственной смерти назначает опекуна для своего малолетнего сына – им становится Иржи Подебрад. Если же принцу суждено преждевременно умереть, наследником всех владений Фридриха III становится в обход ближайших родственников тот же чешский король. Такое завещание – случай в семье Габсбургов исключительный: оно лучше многого иного показывает, сколь велика была ненависть императора к своему удачливому брату.

Фридрих отказался от своих вынужденных уступок почти сразу же, но в 1463 г. бомбарды по большей части молчали – хрупкое перемирие между братьями удавалось несколько раз восстанавливать и продлевать, хотя успокоения в стране не было. С августа роль главного посредника между Фридрихом III и Альбрехтом взяла на себя их сестра – маркграфиня Баденская Катарина (ок. 1420–1493)¹⁸. Она хлопотала об освобождении супруга – одного из главных полководцев императора, попавшего в 1462 г. в плен к союзникам Альбрехта¹⁹, – но и старалась об установлении мира в семье и в стране.

Тем временем положение дел начало понемногу меняться в пользу императора. Князья, сторонники Альбрехта, уже добились многих своих целей и теперь не прочь были замирились с Фридрихом III. Нижнеавстрийские дворяне и венцы быстро разочаровывались в своем новом государе и стали помышлять о возвращении старого. Дело дошло до того, что тайный посланец старшего Габсбурга сумел договориться с бургомистром Хольцером, и тот за 6 тыс. дукатов впустил в Вену ночью 7 апреля 400 императорских наемников²⁰. Только решительность эрцгерцога спасла положение. “Имперцы” были отбиты, а предатели подвергнуты стремительной и беспощадной расправе. Шестерых участников заговора обезглавили. Хольцера же по приказу Альбрехта четвертовали живым: в конце казни палач, хвастаясь своим профессиональным мастерством, вырвал из груди своей жертвы еще бьющееся сердце и показал его толпе. Остатки Хольцера были в назидание другим выставлены над городскими воротами, причем его отрубленная голова украсила те из них, которые он открыл врагу²¹. В этом случае истерзанное тело преступника было, кажется, не только “знаком поданным всем”, знаком того, как велико могущество государя и насколько оно превосходит силу его подданных (М. Фуко), – тело Хольцера, вероятно, стало и своеобразным выражением личных эмоций, обуревавших правителя, возмущенного предательством человека, которому он, надо полагать, весьма доверял. Как бы то ни было, эта жестокость вряд ли прибавила Альбрехту популярности в Вене, скорее наоборот – она умножила число весьма влиятельных в городской общине людей, которые не

на шутку опасались своего нового князя и предпочли бы как-нибудь отделаться от его суровой власти...

В октябре, в самый разгар трудных переговоров с Фридрихом III (на которых позиция старшего брата со временем становилась все жестче), Альбрехт внезапно теряет доверие к нескольким ближайшим советникам, включая канцлера, и прогоняет их со своей службой²². Они тотчас же отправляются в Нойштадт и предлагают свои услуги императору. Государь готов их принять, но воздерживается от этого по совету придворных, чтобы не создавать дополнительных трудностей для поиска соглашения с братом.

С точки зрения Альбрехта, вызвавшие его подозрение советники проявили слишком большую уступчивость на переговорах с “имперцами”. Их увольнение было ясным знаком, что отныне поведение эрцгерцога станет тверже, а перспективы скорого заключения мира туманнее. Только маркграфиня Катарина продолжает в Вене заботиться о прекращении вражды – если война возобновится, ее муж, скорее всего, так и останется в плену. Альбрехт охотно видится с ней и вроде бы даже, по ее позднейшим воспоминаниям, произносит при ней какие-то очень примирительные слова о своем старшем брате²³... 25 ноября 1463 г., в день св. Екатерины Александрийской, эрцгерцог во всем блеске наносит сестре торжественный визит, чтобы поздравить ее с именинами²⁴. По словам маркграфини, ее брат излучал в тот день властность, энергию и здоровье. Пройдет всего только неделя, и над бездыханным телом Альбрехта врачи заявят, что эрцгерцог умер от “отравы”...

Никто из современников не бросил императору прямого упрека в отравлении брата – прямых улик не было. Однако оснований для подозрений, граничивших с уверенностью, было предостаточно. С понятным беспокойством отнеслись к мрачной новости о странной смерти Альбрехта при дворе третьего из Габсбургов – Зигмунда Тирольского. Возможное отравление дяди и к тому же временами весьма близкого политического союзника не могло не сказаться на состоянии духа весьма впечатлительного тирольского князя. Хорошо известно, какие причудливые, порой гротескные формы принимало с 70-х годов его недоверие к императору, едва не стоившее династии Габсбургов богатого Тироля²⁵. Но истоки этого странного родственного чувства стоит искать раньше – в загадочном эпизоде, случившемся в венском Хофбурге в самом начале декабря 1463 г.

Именно при дворе герцога Зигмунда было создано весьма своеобразное сочинение – подробное описание последних дней и кончины эрцгерцога Альбрехта.

Автором записки был некий Ханс Хиршман – один из приближенных герцога Альбрехта. После неожиданной смерти своего господина его приняла к себе на службу маркграфиня Катарина, но он уже в январе предпочел отправиться в Тироль к Зигмунду. В Ин-

сбруке Ханс, по собственным словам, неоднократно рассказывал и самому князю, и его людям обо всех обстоятельствах болезни и смерти эрцгерцога²⁶. Один из тирольских придворных и советников герцога Зигмунда попросил Хиршмана изложить эту историю на бумаге, что и было сделано в 1461 г. спустя несколько недель или самое большее три-четыре месяца после трагического происшествия. "Отчет" Ханса Хиршмана благополучно сохранился в венском архиве²⁷ и несколько раз публиковался²⁸, хотя ни одно из его изданий не отвечает вполне современным текстологическим требованиям²⁹.

Сочинение Хиршмана, как ни странно, пока не вызвало у историков желания посвятить ему отдельное исследование. Между тем, этот "отчет" – поразительный как по эмоциональности, так и по содержательности документ. Автор как бы дает свидетельские показания, на основании которых читатель должен решить, имело ли место отравление эрцгерцога. А раз так, то Хиршман начинает с редкостной дотошностью вспоминать события последних дней жизни эрцгерцога в мельчайших деталях, не очень-то различая, какие из них важны, а какие нет. Соответственно из-под его пера вышло необычное, исключительно подробное, а по выражению Альфонса Лотского³⁰, "простодушное и вместе с тем грубо реалистическое" описание нескольких (конечно, отнюдь не самых обычных) дней придворной жизни в Австрии второй половины XV в. Историки не раз указывали на то, что "отчет" Хиршмана – великолепный источник по истории "княжеской повседневности"³¹, но делали это в самых общих выражениях или же ограничиваясь наблюдениями, вроде того, что он "не в последнюю очередь рисует совершенно потрясающую картину антисанитарного образа жизни даже высших социальных слоев"³². Однако дальше таких констатаций или "историко-медицинских" попыток задним числом поставить диагноз эрцгерцогу Альбрехту³³ дело до сих пор в сущности не пошло.

Все началось в канун праздника святого апостола Андрея. День 29 ноября, вторник, был ничем не примечателен, если не считать густого тумана, наполнившего до краев венские улицы. Альбрехт отправился в очередной раз навестить свою сестру Катарину, маркграфиню Баденскую. Застать Катарину в доме, где она остановилась, эрцгерцогу не удалось, и он поскакал назад к родовому замку, стоявшему с внешней стороны городской стены, – месту действия последующего рассказа.

Эта старая резиденция Габсбургов – историческое ядро нынешнего, неузнаваемо изменившегося с XV в., венского дворца Хофбург – доказала свою надежность во время осад 1461 и 1462 гг. Правда, надежность вовсе не равнозначна удобству и представительности. Изображение 1530 г. рисует нам венский замок сооружением скромных

размеров и сомнительных репрезентативных достоинств³⁴. В 1463 г. и без того, похоже, неказистая постройка была обезображена отчетливыми следами последней осады осенью 1462 г. Хотя по договору от 2 декабря 1462 г. Альбрехт становился хозяином Вены, а значит и Хофбурга, вряд ли он свободно пользовался в нем всеми помещениями – ведь еще в 1458 г. они были поделены между Фридрихом, Альбрехтом и Зигмундом. Апартаменты Зигмунда – союзника Альбрехта – должны были сохраняться для их хозяина, крыло, отведенное императору, вроде бы серьезно пострадало от артиллерийского обстрела. Да вряд ли сам Альбрехт на него особенно претендовал, если у него в замке уже давно были свои привычные покои. Исследователь истории Хофбурга М. Дрегер полагает на основании текста соглашения 1458 г. и иных данных, что комнаты Альбрехта находились на верхнем, третьем этаже в юго-западном крыле замка³⁵. Под ними весь второй этаж занимал "зал для танцев", а первый – так называемый "дюрниц" (слово, родственное русскому "горница") – помещения для придворных и слуг.

С того момента как герцог, вернувшись после неудачного визита к сестре, поднялся (наверное, по закручивавшейся винтом лестнице в угловой башне) в сопровождении нескольких придворных в свои покои, бросив по дороге фразу, что продрог по этой погоде и хотел бы выспаться, пространство действия сужается до минимума. Почти все дальнейшее происходит всего в двух помещениях – герцогской спальне и примыкающей к ней "внешней большой горнице" (ausser grosse stube – (43)). В спальне есть, как выражается Хиршман, печь (ofen), которая больше похожа на камин, поскольку является источником не только тепла, но и света – в темное время суток к ней подходят, когда хотят что-нибудь рассмотреть получше. Возможно, эта же самая печь обогревает и горницу – во всяком случае, та тоже отапливается. В спальне, помимо кроватей, находятся лавки, сундуки и стол с канцелярскими принадлежностями. Второй стол – обеденный и, надо полагать, куда больший по размерам, стоит в горнице. Там же есть по крайней мере одно кресло. Из спальни можно пройти в герцогскую "камеру" – кладовую, где хранятся ценности и парадное платье, а также в особый чуланчик или "комнатку" (stubl, kamer) – уборную.

Первым делом Альбрехт приказывает Хиршману распорядиться разжечь огонь в камине и накрыть на стол. Герцог благодушен и настроен "сыграть" (в кости или карты?) с несколькими придворными, которых он привел с собой. Появляется некий Андрей Вольф и зовет Хиршмана составить ему компанию в бане (das ich mit im in das bad gieng). Тот просит на это разрешения у герцога и тотчас же его получает. Баня (с подведенным к ней водопроводом) находилась недалеко – в саду к востоку от замковых стен³⁶. Моются оба придворных, очевидно, не очень скоро, но и не очень долго, потому что воз-

вращаются к концу ужина. Герцог в хорошем настроении и подшучивает над Хиршманом. За герцогским столом сидят два камергера, старший шенк (кравчий), упоминавшийся Вольф, очевидно, сам Хиршман “и другие, которые обычно бывали у его милости”. Во время трапезы, длившейся еще около часа, пьют вино. Затем Альбрехт велит Хиршману сильно стукнуть в дверь, чтобы все отправлялись спать, поскольку и сам герцог тоже желает в постель и не в состоянии более бороться со сном.

Не успели еще придворные разойтись, как герцог доверительно жалуется камергеру Агацу Найдекеру и Хиршману, что съел сегодня много кизилу, принесенного ему келлермейстером³⁷, и оттого его теперь пучит. Он посещает “комнатку” (stubl), а затем не раздеваясь ложится на незастеленную кровать и тотчас засыпает. Судя по описанию рассказчика, в княжеской спальне поставлены три кровати – для герцога, его камергера Найдекера и привратника Хиршмана. (Последняя должна была по обычаям времени стоять недалеко от порога спальни.) Правда, выясняется, что принадлежность этих кроватей, за исключением герцогской, довольно условна. Так, Альбрехт засыпает, улегшись прямо в одежде на кровать своего камергера...

Найдекер, стоявший в придворной иерархии явно выше Хиршмана, велит последнему запереть все двери – повеление в сущности излишнее, поскольку привратник и без того хорошо знает свои обязанности. Посидев немного вместе в спальне, недалеко от громко храпящего герцога, Найдекер и Хиршман раздеваются и собираются ложиться. Но в эту минуту Альбрехт вдруг просыпается и просит зажечь огонь. При свете свечи вид лежащего герцога пугает приближенных: его лицо бледно и покрыто крупными каплями пота. “Что случилось с вами, почему вы так бледны?” – задают они “в страхе” Альбрехту вообще-то беспредметный вопрос, выдающий их удивление, тревогу и растерянность. “У меня был приступ лихорадки, но теперь уже лучше”, – произносит в ответ эрцгерцог и велит, чтобы ему на нынешнюю ночь застелили кровать Найдекера. Сам же камергер пускай ложится в кровать Хиршмана вместе с ее хозяином, но обоим следует быть начеку – вдруг герцогу что-нибудь да понадобится (34).

Пока эрцгерцогу застелили кровать Найдекера, Альбрехт вышел в горницу (“in die stuben”), где ждал, сидя в кресле. Когда все было готово, он тотчас поднялся и начал было идти обратно, но в то же мгновение его внезапно стало рвать. “Мы страшно испугались и побежали к нему”, – пишет Хиршман. Он сам стал поддерживать голову герцога, в то время как Найдекер обхватил Альбрехта за туловище. Приступ миновал, эрцгерцогу сразу стало намного лучше, он сам дошел до кровати, разделся, улегся и тепло укрылся. Князь повеселел и заверил, что теперь чувствует себя совершенно выздоровевшим. Легли и оба придворных. Прошло примерно полчаса, как

Альбрехт вдруг опять проснулся, и тотчас же его снова вырвало. Когда полегчало, эрцгерцог встал, сказав, что хочет перелечь в свою собственную кровать. Со смехом он позволил себе прокомментировать только что произошедшее: “Во мне еще оставалось немного блевотины, но теперь она вышла, и я вполне исцелен. Видите, я вполне могу сам себя лечить – не беспокойтесь особенно!”³⁸ Теперь герцог пожалел, чтобы придворные перелегли в кровать Найдекера, которую он только что оставил. Перестилать ее не стали: Найдекер и Хиршман улеглись на насквозь пропитавшиеся потом герцога простыни (“in den schwaysz, als er dann vast geschwitz hat”) (34). Наверное, и второй постель тоже была запачкана.

Часа два все спали спокойно. Но потом Альбрехт снова проснулся и разбудил обоих придворных. Хиршман поспешил к нему на помощь, но герцогу всего лишь требовался его шлафрок – “прогуляться” (ain weyl hin und her gen). Подав халат, Хиршман уселся в полудреме на ларь со свечой в руке. Герцог же подошел поближе к печи, распахнул шлафрок и правой рукой стал щупать себя под левым предплечьем. “Взгляни-ка, мой Ханс, какая здоровенная шишка выскочила у меня под мышкой!” Хиршман увидел, что “шишка” была размерами с грецкий орех и притом кроваво-черного цвета. Тут он “так страшно перепугался, что не знал, что и сказать”³⁹, но высказал-таки мысль более чем здравую и своевременную: “О, государь, прикажите мне сходить за врачом и цирюльником и чтобы их к вам пропустили!” Слова привратника вызвали, однако, герцогский гнев. “Что ты здесь тоску наводишь?! Это только легкое недомогание! Ты же прекрасно знаешь, что у меня побаливает правая рука с тех пор, как на турнире во Фрайбурге я упал на деревянное ограждение. Это только недомогание и ничего более. Не пугайся!” Хиршман не ступешался, а произнес с почтительной настойчивостью и тревогой: “Милостивый государь, но ведь это сейчас у вас под *левой* рукой!” “Просто-я лежал сейчас на левой руке, потому-то туда и отдало”. “Так не бывает”, – твердил свое Хиршман. “Дорогой, это бывает то с одной стороны, то с другой”. Герцог немного походил по спальне и лег, но теперь уже в кровать Хиршмана, и проспал с час.

30 ноября, в среду, в день св. Андрея, Альбрехт проснулся около пяти часов. Он встал и стал ходить по спальне взад и вперед. Найдекер с Хиршманом почтительно спросили, не прикажет ли государь послать за врачом. “Вы хотите послать за врачом? Зачем он мне нужен?” И тут в первый и последний раз в разговорах эрцгерцога с его людьми в пересказе Хиршмана прямо затрагивается тема из области большой политики (в скрытом виде политика, конечно же, “разлита” по всему повествованию Хиршмана): “Если увидят, как ко мне идет врач, то тотчас решат, что я захворал. А если это дойдет до Нойштадта, то сильно повредит переговорам между мной и Его императорским величеством”. Найдекер и Хиршман возразили, что еще темно

и не составляет труда привести врача в замок и вывести его оттуда прежде, чем рассветет. Тут герцог наконец пошел на уступки: "Очень хорошо, дорогие, прикажите Йоргу фон Штайну и фогту подняться и прийти ко мне". Будить обоих придворных отправился Хиршман. Георг фон Штайн некогда был канцлером Альбрехта⁴⁰, а после недавнего увольнения влиятельнейших людей герцога остался, очевидно, самым доверенным его советником. Кого именно Хиршман называет фогтом, не вполне ясно, но этот человек, без сомнения, также относился к ближнему кругу придворных. Именно этого фогта герцог отправил в город за уже упоминавшимся в самом начале рассказа врачом Михелем Пуффом.

Михель Пуфф из Шрика (ок. 1400–1473) был в свое время известнейшим венским врачом⁴¹. К тому раннему ноябрьскому утру, когда его поднял с постели и повел в Хофбург посланец заболевшего эрцгерцога, Пуфф уже ровно три десятка лет с честью носил звание доктора медицины. За свою долгую жизнь он 11 раз избирался деканом медицинского факультета Венского университета – в первый раз еще в 1435 г., а в последний – всего за три года до своей смерти – в 1470 г. Этот врач черпал свои знания не из одних лишь книг – он много занимался анатомией и в 1452 г. даже провел (впервые в Вене!) вскрытие женского трупа. От Пуффа остался и ряд ученых трудов, по большей части, впрочем, малооригинальных. Потомки отзывались о нем с глубоким почтением как об опытнейшем враче (*aller erfarnisten mann der artzney doctor Schrick*), особенно в связи с его трактатом о спиртах, выдержавшим только до 1500 г. девять изданий. Но сходное же уважение питали к нему и современники. Как раз в 1463 г. в актах медицинского факультета Михель Пуфф назван *doctor medicinae famosissimus person civis Wiennensis peritissimus*. Но, несмотря на все перечисленные достоинства Пуффа, Найдекер и Хиршман всячески советовали эрцгерцогу не прибегать к его услугам. В квалификации доктора они, похоже, не сомневались, но вот его политические взгляды им совсем не нравились. По их мнению, Пуфф всегда был "кайзерцем" (*kaisrer*), т. е. верным сторонником Фридриха III (36).

Приближенные эрцгерцога предпочли бы позвать Иоганна Кирххаймера (ок. 1415–1468), уже неоднократно доказывавшего делом свою полную преданность Альбрехту⁴². Большого сторонника эрцгерцога в медицинском мире, действительно, трудно было сыскать. Кирххаймер в августе 1461 г. лично арестовывал венский городской совет, смещал верного императору бургомистра и помогал ставить своего доброго приятеля-скототорговца Хольцера новым главой города – и все это от имени эрцгерцога. С того же времени Кирххаймер сам заседал в городском совете, который ему, впрочем, предстоит покинуть сразу же после кончины Альбрехта. Этот импульсивный шваб с явно не вполне уравновешенным и склонным ха-

рактером часто портил отношения с коллегами по медицинскому факультету, хотя, тем не менее, избирался трижды в 1454, 1458 и 1461 гг. деканом. Хиршман и Найдекер весьма лестно характеризовали Кирххаймера как "самого знаменитого врача в Вене" (*der verghimtest arczat in Wien*) (37), однако о нем сохранились и отзывы недоброжелателей, именовавших его то площадным лекарем, то телячьим доктором. Похоже, такие выпады не прошли бесследно для репутации Кирххаймера. Если Михель Пуфф вполне добропорядочно окончил свои дни и был погребен не где-нибудь, а в соборе св. Стефана, то Кирххаймер, чьи дела явно шли под гору, счел за благо в 1464 г. бежать из Вены в Буду, спасаясь от кредиторов.

Уговоры придворных на князя не подействовали. Поставленный перед выбором между политически лояльным доктором и более признанным специалистом, Альбрехт предпочел последнего. Очевидно, он был полностью уверен, что для этого медика профессиональная этика несравненно важнее любых партийных пристрастий. Так что на рассвете 30 ноября в Хофбург пришел Михель Пуфф – "славный старый малый" (*ein gutter alter man*) по характеристике самого эрцгерцога (37).

Врача герцог встретил бодро, как старого знакомого, со смешком и словами: "Ну вот, магистр, я все же вам достался!" Михель Пуфф первым делом пощупал пульс и заметил, что он в норме, хотя предположил, что герцог этой ночью спал мало. Альбрехт стал говорить о ночных событиях, но кое о чем умалчивая, что заставило вмиг расшаркаться Хиршмана. "Милостивый государь, разве вы не хотите рассказать о шишке под мышкой?" "Что? Под мышкой?" "Да!" Герцог, кажется, несколько смущенно признался доктору: "Ах да, есть у меня один легкий недуг, я ощущаю его время от времени. Этот дурак говорит именно о нем, но ему мерещится, что тут нечто иное. На самом деле я однажды на турнире во Фрайбурге просто упал с коня и ударился о деревянный столб". "И все-таки покажите *это*, милостивый государь", – настаивал Хиршман. Герцогу пришлось уступить. Когда же врач попытался прощупать вздутие, твердое оно или мягкое, больной закричал: "Больно! Больно! Мне от этого очень больно!" Только сейчас выдержка отказала Альбрехту, и своим криком он как бы сделал первую уступку своей хвори. Наверное, стыдясь проявленной слабости, он тотчас же добавил в своем обычном тоне: "Это, вправду, ерунда, небольшое расстройство и ничего иного" (37).

Врач закончил осмотр, но каковы были его выводы и рекомендации, Хиршман не сообщает. Судя по последующим намекам, Пуфф, вероятно, сказал, что поводов для особого беспокойства не видит и что герцог здоровее Хиршмана. Доктор собирался откланяться, даже не дав указаний относительно диеты больного. Но кухенмейстер не позволил врачу уйти просто так, спросив, чем же ему теперь кормить эрцгерцога. Судя по этому вопросу, придворные

Альбрехта в тот момент полагали, что у их сеньора сильное расстройство желудка. Михель Пуфф посоветовал появившемуся повару сварить из хорошего каплуна бульон, приправив его специями. Часов в восемь или девять Альбрехту следует выпить бульон как можно более горячим и отведать вдобавок немного куриного мяса. Все было так и сделано, и приближенным герцога, в том числе и Хиршману, также пришлось есть на завтрак вареную курятину, запивая ее бульоном⁴³. Столь вожденная многими редкая привилегия питаться за одним столом с государем имела, оказывается, и темную сторону: диета, предписанная князю, автоматически распространялась и на всех его сотрапезников. Горячий бульон “из хорошего каплуна” был последним, что довелось отведать в своей жизни эрцгерцогу Альбрехту...

День прошел спокойно, если не считать того, что герцог расхаживал по своим покоям взад и вперед. Вечером снова пришел врач, вторично осмотрел эрцгерцога и объявил свой диагноз, впрочем, и без того уже всем понятный: Альбрехт съел слишком много кизила, что и вызвало раздражение. Необходимо воздержаться от еды день или два, пока рвота не прекратится. Пуфф ушел, пообещав заглянуть на следующее утро (38).

Герцог приказал “нам, привратникам, и другим дворянам” никого чужого в замок не впускать и отправился спать. Ночью он вставал довольно часто, но никаких драматических эпизодов Хиршман не приводит, хотя он и “сторожил” Альбрехта всю ночь напролет (в частности, для того, чтобы собирать по повелению врача мочу больного – об этом, впрочем, Хиршман забыл здесь написать).

1 декабря, в четверг, доктор заходил трижды: утром, в полдень и в четыре часа. Круг лиц, знавших о болезни герцога, оставался очень узким. Хиршман говорит, что к больному герцогу днем и ночью допускались, помимо него самого и Найдекера, старший шенк, кухенмейстер, некто Вургенвайн и кто-то еще. Эти приближенные то входили в герцогские покои, то выходили из них для того, очевидно, чтобы непривычное затихие в комнатах всегда деятельного и энергичного князя не наводило остальных придворных на нежелательные мысли. Кроме этих людей, Йорга фон Штайна и фогта, в курсе дела были еще четверо, включая герцогского цирюльника (он же банщик) и повара (“мастера Томаса”). При всяком появлении врача эрцгерцог вызывал к себе Йорга фон Штайна и кухенмейстера.

Рвота у Альбрехта, надо полагать, совсем прекратилась, и Михель Пуфф во время своего полуденного визита обещал достать у аптекаря лекарство, чтобы удалить вздутие, если оно не исчезнет само собой. За изготовление целебной мази из трав аптекарь должен был взяться тут же, поскольку уже в четыре часа дня Пуфф принес ее с собой и стал показывать цирюльнику, как губкой наносить это средство на тело больного. Хиршман запомнил, что мазать надо было от

“шишки” под мышкой вниз до левого соска, но не далее. Этих процедур Пуффу показалось мало, и он принес от того же аптекаря еще и териак⁴⁴. Врач посыпал вздутие териакон и долго (но, очевидно, очень осторожно – ведь герцог на боль в этот раз не пожаловался) втирал его. Тут снова подал голос Хиршман, с самого начала относившийся к Пуффу, как уже говорилось, с предубеждением. “Милостивый государь, – обратился он, что характерно, не к врачу, а к герцогу, – мне это кажется странным. Я часто видел, как териак сыпали вокруг пораженного места, но ни в коем случае не прямо на него, потому что в этом случае он может ударить прямо в сердце”. “Помолчи, дурак, – прикрикнул на своего привратника эрцгерцог. – Он понимает в этом деле больше твоего, и позволь ему делать так, как считает нужным”. Если принять во внимание, что Михель Пуфф написал трактат о териаке, включившись в ученую дискуссию о действии этого средства, реплика герцога была вполне уместной. Усмехнулся и врач: “Милостивый государь, он может сказать ровно столько, сколько знает. А он об этом не знает совершенно ничего”. Хиршман хотел возразить, однако герцог приказал ему помалкивать (39).

Врач велел смазывать шишку териакон и далее, по мере его высыхания, и обещал прислать слабительного, которое герцогу надо будет принять около полуночи. Вместе с калом герцога покинет и его болезнь. Повару были даны подробные указания, в каком виде следует подать слабительное больному, чтобы оно “не вышло из него обратно вверх”. Утром врач, похоже, собирался навещать уже не больного, а выздоравливающего.

Однако с той самой минуты, как шишка была помазана териакон, герцог потерял всякий покой. Чем дальше, тем больше он стал жаловаться на сердце. Всю ночь напролет Альбрехт не находил себе места. Но вместе с тем он пытался как-то отвлечься от того, что его беспокоило, старался казаться в хорошем расположении духа и всячески натравливал Найдекера и других придворных на, надо полагать, порядком уставшего Хиршмана, чтобы не давать тому уснуть. Придворные старались вовсю и издевались над Хиршманом к его досаде, как только могли, чтобы рассмешить своего господина. И Альбрехт смеялся⁴⁵...

В пятницу 2 декабря между четырьмя и пятью часами утра герцог сам разбудил Хиршмана словами: “Вставай, мой Ханс, что ты так долго спишь?” Хиршман поднялся и первым делом осведомился, как подействовало на герцога слабительное. Тот ответил, что стул у него был трижды за ночь. Следующие вопросы заботливого служителя были о пресловутом вздутии: “Не намазывал ли его цирюльник лекарством неправильно, заходя за сосок? Или, может быть, шишка после стула вовсе исчезла?” Однако шишка оставалась без изменений на своем прежнем месте. “Мне все-таки следовало поступить по твоему совету и велеть посыпать териакон только кругом, чтобы вы-

лечить ее, но бог даст, все обойдется и так". Сомнения и во враче, и в собственной судьбе явно начали обуревать дотоле мужественно державшегося герцога. Альбрехт снова стал ходить взад и вперед и вопреки собственным оптимистическим словам попросил Хиршмана прислать священника с переносным алтарем, чтобы тот отслужил мессу (40). В Хофбурге, естественно, была капелла, но вход в нее вел, надо полагать, не с третьего этажа, и герцог, очевидно, уже настолько ослабел, что путь по крутым лестницам и длинным коридорам представлялся ему неодолимым. Возможно, именно тогда Хиршман или Найдекер срочно отправили брата кухонмейстера привести доктора (39).

Посылать за священником в город, вероятно, не было необходимости, поскольку он мог быть в самом замке, при герцогском дворе. Впрочем, завеса секретности над болезнью князя уже приподнялась. На мессе в "горнице" собралось "много народу" (vnd was vil volcks da innen). Чем больше людей молилось "во исцеление", тем выше были шансы, что молитва будет услышана – вероятно, именно это соображение заставило приближенных и самого Альбрехта забыть о недавних "политических предосторожностях". Дослушивал мессу герцог уже прилежши, не раздеваясь, на кровать Хиршмана. Как уже говорилось, привратнику следовало спать около двери, так что именно с этой кровати князю было лучше всего видно, что происходит за порогом – в горнице. Чувствовал себя Альбрехт все хуже, и Найдекер с Хиршманом время от времени принимались растирать ему кисти рук и ступни.

Во время литургии в комнате появился Пуфф и благочестиво преклонил колени. После окончания службы он и Йорг фон Штайн подошли к больному. Врач, пощупав пульс, спросил, как подействовало его лекарство и каково было герцогу ночью. Альберт ответил, что худшей ночи не припомнит за всю свою жизнь и что он никогда еще не был так болен. Это вызвано, наверное, тем, что доктор посыпал териак непосредственно на вздутие. Врач, похоже, возражать больному не стал, но пожелал взглянуть на его мочу. Банки с "первой" и "последней" порциями мочи герцога подал все тот же Хиршман. Пуфф и фон Штайн отошли, взяв свечи, к печи, где долго рассматривали мочу и тихо переговаривались. Тут Альбрехт обратился к Хиршману: "Дорогой, подкрадись к ним, подслушай, о чем они говорят, и скажи мне потом" (41). Хиршман так и сделал, но собеседники общались на латыни. Единственная фраза на немецком была: "а моча-то пожиже, чем вчера". Тут Хиршман не выдержал и буркнул: "Еще бы не пожиже – ведь он со среды ничегошеньки не ел". Хиршман вернулся к своему господину и рассказал ему то, что мог. "Помоги встать, мне нужно облегчиться". Хиршман обхватил герцога, повел его в "камеру", где усадил на стульчак. Вслед за герцогом туда же отправились и все остальные, бывшие в спальне. Найдекер и фогт

стали по обеим сторонам от сидевшего эрцгерцога и поддерживали его. Пуфф и фон Штайн продолжали стоять в спальне – теперь у стола – и переговариваться на латыни. Хиршман со свечой в руке стоял прямо перед Альбрехтом. Когда испражнение началось, лицо герцога страшно искривилось, ужасно побледнев, он заревел, как вол, и с такой силой сцелил зубы, что челюсти ему пришлось потом разжимать силой⁴⁶. Хиршман стал звать врача и спрашивать его, что это, столь ужасное, происходит с его господином. Пуфф не считал нужным говорить пространно: "Он испражняется, и это лишает его сил. Подложите теперь ему что-нибудь под ноги, чтобы он не стоял босым прямо на полу!" Подложили бумагу, наверно, писчую, взятую с упоминавшегося стола, а значит по несколько листов или по тонкой стопке под каждую ступню герцога (41).

В эту минуту нервы у Хиршмана окончательно сдали. Теперь он обращался уже не к врачу, а к Йоргу фон Штайну: "Я хорошо вижу, каково моему господину! Боюсь, он умрет! Я хочу разбудить камергеров. Они просили меня о том, чтобы я их будил, если он так разболеется". Тут Хиршман дал волю слезам, отпер спальню, повелел кому-то открыть все двери и пошел будить камергеров, спавших двумя этажами ниже, где, кстати, была комнатка и самого Хиршмана. Камергеры быстро взбегали наверх. Хиршман будит также прочих придворных и своего собственного слугу (meinen buoben). Последнего он отправляет за герцогскими гонцами, ночевавшими в одной из башен замка. Они появились очень скоро, и Хиршман расослал их по герцогским советникам (räten) и прочим знатым австрийским господам (lanthergen), бывшим тогда в Вене, с призывом поскорее прибыть в замок. Оказывается, они когда-то успели попросить Хиршмана дать им знать, если болезнь эрцгерцога примет серьезный оборот.

Когда после всех этих хлопот привратник снова поднялся в герцогскую спальню, Альбрехта уже отвели обратно на кровать Хиршмана; но не успел тот приблизиться, как эрцгерцог произнес: "Мой Ханс, помоги мне снова встать, мне опять нужно облегчиться". Хиршман не мог один поднять герцога с кровати, к тому же он так неловко обхватил больного под мышкой, задев, очевидно, "пишку", что Альбрехт громко вскрикнул. Хиршман позвал "дворян", чтобы те помогли ему. Новое очищение кишечника стоило герцогу таких же страшных мучений, что и в прошлый раз. Назад к постели его пришлось уже нести на руках. Говорить герцог теперь толком не мог, и лишь твердил бесконечно: "Господин Йорг, господин Йорг!" Того позвали, дабы герцог мог ему что-то сказать. Йорг фон Штайн встал на колени перед постелью и, приблизив свое лицо вплотную к лицу герцога, спросил: "Что вам угодно, милостивый государь?" Но тот уже не был в состоянии говорить и лишь повторял вновь и вновь – раз пятнадцать кряду: "Господин Йорг, господин Йорг!" Фон Штайн

взял свечу у Хиршмана и поднес к лицу герцога, заглянув ему сначала в рот, а потом в глаза. Тотчас же он резко, как в испуге, опустил свечу и упал на скамью, обливаясь слезами, бия себя кулаком по лбу и вскрикивая: “О, мой благочестивый государь!” Дворяне немедленно сказали ему, чтобы он или перестал кричать, или же ушел, но не досаждал герцогу в его болезни. Йорг вышел в горницу и там ревел так громко, что дверь за ним пришлось плотно закрыть (43).

Со своего места поднялся кухенмейстер и стал, надо полагать, в великом волнении допытываться у врача: “Дорогой господин, что же это с моим государем? Вы говорили, что он обессилел, ну так дайте же ему чего-нибудь, чтобы к нему снова вернулись силы!” “Да что я могу ему дать? У меня и нет ничего, — ответил Пуфф и добавил: — Ничего, кроме разве розовой воды”. Врач смочил розовой водой виски и лоб больного. Несколько капель скатились прямо в раскрытые глаза герцога, но он никак не отреагировал, что привело Хиршмана в ужас.

Спустя некоторое время пришел черед фогта побеспокоить вопросом врача: “Дорогой господин, почему же это не помогает и не придает ему сил?” Пуфф ответил тотчас, хотя и лаконично: “Все решено”. Смысл этих слов не сразу дошел до Хиршмана. Лишь после паузы он потребовал уточнения: “Что это вы имеете в виду, дорогой магистр Михель?” “Он дернется и затем умрет”. Тут Хиршман не смог с собой совладать: “Эй, вы, чтоб вас раз этак! Не вы ли говорили, что он здоровее меня и что у него все в порядке?” Пуфф не нашелся, что ответить, и совсем сник. Секретарь доктора (sein schreiber), тоже бывший в комнате, потихоньку потянул его за край плаща через дверь вон из спальни. Но Хиршман побежал за ними до следующей двери, крича: “Эй, помилуй Бог! Хорошо же вы позаботились о нашем благочестивом господине! Ты — мерзкий злодей и убийца!” От таких слов и врач, и секретарь чуть не бегом поспешили к замковым воротам.

Хиршман вернулся к ложу своего господина и опустился перед ним на колени, как стоял и перед тем. Но теперь он вложил в руку эрцгерцогу зажженную свечу и держал ее так до самого конца. Священник и “дворяне” еще пытались обращаться с какими-то словами к умирающему... (44).

Когда герцог скончался, в спальню вошли его советники и знатные господа, вероятно, уже давно ждавшие за дверью. “И была великая скорбь среди нас всех”⁴⁷. Немного спустя Хиршман сказал Найдекеру: “Дорогой, давай проследим, чтобы все вещи отправить в кладовую (kammer), и не дадим ничему пропасть. Заприте там все и держите ключ при себе или же отдайте его советникам”. Оба стали убирать вещи покойного. Не успели они закончить этого дела, как к ним подошли советники с вопросом: “У кого ключи от кладовой?” Найдекер отдал ключи, а те заперли и опечатали “камеру”. Когда они

еще только приступали к этому делу, Хиршман взял доспех герцога (очевидно, он хранился на всякий нежданный случай у герцога под рукой — в укромном углу спальни) и хотел его тоже убрать в кладовую, но один из советников сказал ему: “Мой Ханс, унеси его вниз и возьми себе, ты заслужил это в память о моем господине”. Хиршман не захотел забирать доспех и положил его на кровать (вероятно, герцогскую), откуда тот потом куда-то бесследно исчез.

Дальше герцогские советники сказали Хиршману и Найдекеру: “Дорогие собратья (liben gesellen), все что тут ваше — выносите наружу, потому что здесь надо запираť”. Хиршман забрал из спальни четыре предмета: венгерский белый войлочный кафтан, маленькую соболью шапку, шелковый ночной колпак и красный бархатный пояс с кошельком. Эти вещи Хиршман вполне официально (offenlich) предъявил советникам, сказав, что кафтан и колпак ему отдал его господин. Пояс с кошельком проиграла герцогу в карты супруга одного рыцаря, и теперь надо ей этот пояс вернуть (что Хиршман, по его словам, впоследствии и сделал). Про соболью шапку Хиршман не сказал ничего — ее он взял, очевидно, “просто” на память о покойном. Советники разрешили Хиршману все это забрать с собой, правда, его собственное постельное белье, пропитанное потом спавшего на нем больного герцога, осталось в спальне и было там заперто.

Не успел Хиршман спуститься вниз в свою “комнатку” (in mein stublin) и прилечь, как явился упоминавшийся мельком Вургенвайн со словами: “О, эти проклятые низкие злодеи! Этот господин Йорг фон Штайн и фогт — они вместе извели нашего государя и сбежали!” Хиршман пришел в ужас: “Ах, дорогой, да правда ли это?” “Да, конечно же! Потому-то они и сбежали, проклятые, низкие злодеи!” Так в первый раз Хиршман услышал версию о том, что герцог стал жертвой преступления. Привратник вместе с Вургенвайном спустился во двор замка, где последний громко повторял перед всеми придворными (hofleuten) то, что минуту назад услышал от него Хиршман. Через несколько часов о Йорге фон Штайне как отравителе говорили “везде” (uberall).

На следующий день после смерти эрцгерцога советники и знатные господа вызвали в замок всех докторов медицинского факультета, чтобы они установили, от чего скончался Альбрехт и не был ли он, действительно, отравлен, о чем упорно твердила молва. Когда врачи собрались во дворе замка, их встретили там двое прелатов, двое земских господ, двое советников и двое представителей “общины”⁴⁸. Господа и советники пригласили врачей осмотреть тело. Именно тогда доктор Михель Пуфф отвел медиков в сторону и предупредил их о том, что тело покойного и его одежда представляют страшную опасность.

В отношении этих слов доктора Хиршман впоследствии был настроен весьма скептически. По его словам, халат, в котором умер

эрцгерцог, унес было к себе один из служителей герцога, но затем советник покойного Эрхард Тосс так захотел получить этот шлафрок, что купил его за много гульденов. Главное же, что он потом его часто и подолгу носил без всяких для себя последствий. Точно так же и рубаха, и кафтан, в которые было обряжено тело герцога и в которых оно лежало четыре дня до похорон, забрал себе домой пономарь (возможно, в качестве традиционной платы за труды). Кафтан он не менее трех часов носил на себе. Хиршман слышал, что Мартин Найдкер купил и то, и другое у пономаря за 15 дукатов, и уж по крайней мере рубаху он потом нашивал часто. Да и сам Хиршман нередко надевал тот шелковый ночной колпак, что был на герцоге в его последние часы. Колпак этот даже немного запачкался, когда Альбрехта рвало в последний раз. И ничего, все живы, страшные угрозы врача Пуффа не оправдались! (51).

Между строк рассказа Хиршмана прочитывается вопрос: если “санитарные” меры, предложенные Пуффом, были совершенно излишни, то по какой причине врач настаивал на столь бесславном и бесследном уничтожении трупа герцога, на унижительном погребении, которое, помимо прочего, не позволило бы организовать и позже достойного регулярного поминовения души покойного? Было это очередной ошибкой Пуффа или же своеобразным выражением его политических пристрастий? Не проявилось ли в подозрительном требовании Пуффа немедленно уничтожить природное тело Альбрехта желание уничтожить бесследно “политическое тело” эрцгерцога и самую память о нем⁴⁹? А может, Пуфф говорил метафорами, и зараза, угрожавшая, по его словам, всей Вене, была на самом деле чумой взаимного смертоубийства, погребенной вместе с телом беспокойного, чересчур воинственного герцога?

Совсем иного рода вопрос вызывают мотивы поведения людей, разобравших одеяния покойного герцога и пользовавшихся ими, — какими культурными стереотипами они при этом руководствовались? Личные вещи умершего, действительно, с давних пор нередко доставались его служителям — в качестве символической оплаты за их труды. Одежда, бывшая на человеке в момент смерти, или же белье с его смертного одра (иногда и сама кровать) часто переходили к тем, кто готовил к погребению его тело, кроме того, что-то могли отдавать пономарю или могильщикам. Многие верили, что “вещи мертвеца” имеют не только материальную ценность, но служат оберегами и обладают целительными свойствами⁵⁰, а потому стремились заполучить их себе. В нашем случае не только простые придворные, но даже и весьма высокопоставленные лица добиваются за немалые деньги отдельных предметов последнего одеяния герцога — может быть, чтобы через них приобщиться к его харизме?

4 декабря, в воскресенье, Хиршмана вызвала к себе маркграфиня Катарина. По свидетельству современника, она страшно убива-

лась, узнав о неожиданной смерти брата⁵¹, но с привратником Альбрехта говорила ясно и строго. Маркграфиня спросила, правда или нет то, что повсюду говорят о господине Йорге. Вопрос этот она задавала Хиршману несколько раз кряду, зная, по ее словам, что привратник был у покойного весьма доверенным лицом (*geheim gewesen was*). Хиршман рассказал примерно то же самое, что он впоследствии записал. Выслушав его, маркграфиня несколько смягчила тон: “Любезный сын, после того как я расспросила всех остальных, бывших при том, я вижу, что ты говоришь то же самое, и притом подробнее других”. Маркграфиня предложила ему навсегда остаться при ее дворе и обещала впоследствии представить своему мужу. Хиршман согласился и вплоть до “тридцатого дня” после кончины Альбрехта оставался у нее, “ел вместе с гофмейстером и фрейлинами” и время от времени отправлялся с поручениями Катарины или ее гофмейстера к советникам Альбрехта и “земским господам” (46).

В те же дни маркграфиня в присутствии своих советников допрашивала и Михеля Пуффа. Тот высказался на этот раз совершенно не так, как сразу после смерти эрцгерцога. У Альбрехта, по его словам, была некая “внутренняя болезнь” (*inwendeg kranckhait*), и “влага” (?) (*der troppf*) ударила его с одной стороны в другую, спускаясь все ниже и ниже. А при последнем испражнении герцога она ударила его еще и в язык, отчего он больше не был в состоянии разговаривать. Катарина спросила тогда же у Хиршмана, так ли дело было на самом деле или нет? Хиршман ответил, что не знает, потому что ничего в словах доктора не понял, а все, что мог, он уже рассказал. Тогда советники маркграфини сказали, что вполне доверяют его показаниям и вместе с их милостивой госпожой не верят, что господин Йорг совершенно не виновен в случившемся⁵².

Повествование Хиршмана отнюдь не столь прозрачно и просто-душно, как может показаться на первый взгляд. И дело даже не в том, что время от времени какие-то ситуации по ходу рассказа выпускаются и лишь позже всплывают намеки на них, как и забытые в свое время реплики. (Так, приходится лишь задним числом реконструировать диалог Хиршмана с Михелем Пуффом в один из первых дней болезни на основании их последнего разговора.) Автор занимает очень неясную позицию по главному вопросу: был ли отравлен эрцгерцог Альбрехт?

С одной стороны, ничего явно предосудительного про Йорга фон Штайна рассказчик не сообщает. Лишь заранее уверив себя в том, что Йорг — отравитель, можно, скажем, усмотреть во вспышке его отчаяния при виде умирающего Альбрехта приступ раскаяния в содеянном преступлении. (Но тогда и многословные lamentации маркграфини могут быть при желании истолкованы против нее.)

Фантазия читателя в состоянии увлечь и еще дальше: герцог в предсмертном бреде постоянно повторял имя Йорга. Звал ли он попросту верного советника или, может быть, с мистической прозорливостью человека на пороге смерти указывал на своего убийцу? Однако фантазия – не улика.

С другой стороны, маркграфиня и ее советники вроде бы опираются именно на показания Хиршмана, когда оставляют в силе свои подозрения насчет бежавшего Йорга. Похоже, что в своем рукописном рассказе автор записок изменил какие-то акценты и выпустил некие “полуулики” (возможно, ранее не осознававшиеся им как таковые), т. е. обстоятельства, свидетельствовавшие не в пользу главного обвиняемого.

Наконец, с третьей стороны, автор вовсе не склонен считать все произошедшее случайным ударом судьбы и, судя по всему, не убежден, что герцог умер вполне естественной смертью. Образ знаменитого Михеля Пуффа получается под пером Хиршмана весьма подозрительным и малосимпатичным. В лучшем случае он – плохой лекарь, то и дело совершающий грубейшие врачебные ошибки. Одних диагнозов он ухитрился поставить на протяжении всего нескольких дней по меньшей мере три (не говоря уже об объявлении герцога вообще здоровым): то это безобидное отравление кизилом, то страшная чума (или что-либо подобное), якобы угрожающая всему городу, то, наконец, удар или некая “внутренняя болезнь”, в туманных выражениях описывавшаяся врачом маркграфине. В худшем случае Пуфф в описании Хиршмана сознательно занимался изведением своего пациента и был одним из главных преступников. И не случайно же “объективный” автор между делом упоминает то “кайзерские” симпатии Пуффа, а то и столь не лежащий на поверхности факт, что и Пуфф, и аптекарь, изготавливавшие как злополучную мазь из трав, так и териак, оказывается, были свояками четвертованного изменника Вольфганга Хольцера, и “поэтому мы испытывали в отношении них беспокойство” (*Darum hatten wier sorg auff si*) (38). Лекарь с самого начала очень подозрителен Хиршману, и обвинение его в убийстве эрцгерцога однажды даже срывается с уст потерявшего от горя голову привратника. Совет Михеля Пуффа ко двору “фогт” – и это единственная ниточка, которая в рассказе Хиршмана может вести к Йоргу фон Штайну: и фогт и “господин Йорг” исчезли одновременно. Однако выбор врача принадлежал не фогту (он был только посыльным), а князю лично – об этом Хиршман говорит вполне ясно (36). Подводя итоги, можно сказать, что *письменные* показания Хиршмана свидетельствуют скорее в пользу Йорга фон Штайна и против Михеля Пуффа, хотя допрашивавшие Ханса сразу по горячим следам советники маркграфини пришли на основании его *устных* ответов почему-то к прямо противоположным выводам. Никто не начинает следствия против Пуффа и, кажется, даже не допраши-

вает аптекаря, хотя слова Хиршмана, похоже, дают все основания как для того, так и для другого.

При знакомстве с вроде бы безыскусным рассказом Хиршмана читателю становится очевидно, что более преданного эрцгерцогу человека, нежели его привратник, не было. Вполне возможно, что дело так и обстояло, но разве не ближайшие к высокой особе лица естественно подпадают под подозрение во всех историях с отравлениями? Хиршман был безусловно весьма доверенным лицом у эрцгерцога – об этом свидетельствуют не только слова маркграфини Катаринь⁵³, но и само еженощное присутствие Хиршмана в герцогской спальне. А вот злополучный кизил Альбрехту принес не Хиршман, а келлермейстер. Да и когда готовился последний настоящий ужин для герцога, на котором, между прочим, пили вино (куда кто-то как раз и мог бы подсыпать отраву), Хиршман был в бане, да еще и не один, а со свидетелем, и появился в герцогских покоях лишь к концу трапезы.

Это замаскированное подтверждение собственной непричастности окажется вполне уместным, если учесть, что современники находили какую-то связь между “отравителем” Йоргом фон Штайном и Хиршманом. Хиршману после бегства Йорга пришлось пережить немало крайне неприятных дней на допросах у венского бургомистра. Тот требовал, чтобы Хиршман указал, куда фон Штайн скрыл свои ценности, в частности жакет с рукавами, украшенными жемчугом, и штаны, расшитые драгоценными камнями. Привратника допрашивали день за днем, несмотря на то что в Вене еще оставались слуги фон Штайна. Бургомистр был почему-то убежден, что именно Хиршману поручено переслать все эти ценности в город Штайер (47), принадлежавший “господину Йоргу”, куда беглец, очевидно, и направился. Бургомистр, разумеется, не сам дошел до мысли допрашивать по этому поводу Хиршмана – он получил подсказку, причем непосредственно от одного придворного – того самого Вургенвайна, который, между прочим, также провел все дни у постели больного герцога (38), первым известил Хиршмана о предполагаемой измене фон Штайна, а потом, похоже, решил копать дальше и обнажить все возможные корни измены. Прояви Хиршман, действительно, какую-нибудь осведомленность по поводу имущества беглеца, ему наверняка пришлось бы вскоре оправдываться и от более серьезных обвинений. Привратника и так вынудили являться в городской совет, где судья задавал собравшейся публике вопрос, нет ли здесь кого-либо, кто желал бы спросить стоящего перед всеми Хиршмана, “о смерти нашего милостивого господина, о Йорге фон Штайне или о чем бы то ни было еще?”

В беседе с маркграфиней Хиршман тоже выступает сначала вроде бы как подозреваемый – во всяком случае Катарина допускает, что его рассказ о случившемся в замке будет в чем-то расходиться

ся с показаниями других придворных – привратника проверяют. Хиршман смог выдержать это испытание, его версия удовлетворила Катарину – и это очень помогло ему в дальнейшем. Ведь если бы не покровительство маркграфини, предоставившей ему охрану, юридическую помощь (Хиршмана сопровождал “доктор” – очевидно ученый юрист) и не допустившей уже, похоже, весьма вероятного нарушения процессуальных норм в отношении его личности, Хиршману могло бы прийти весьма худо. Городской судья отпустил Хиршмана в сущности по недостатку улик, поскольку никто не осмелился открыто обвинить его в суде (не из страха ли перед маркграфиней?), но какие-то подозрения, очевидно, оставались, потому что Хиршман не чувствовал себя в безопасности и после прекращения процесса. Несмотря на официальное снятие обвинений, он счел за благо немедленно покинуть Вену, а значит и гостеприимный двор маркграфини. Хиршман едет через Нойштадт (правда, не задерживаясь там, что он особо подчеркивает) в Тироль ко двору Зигмунда, имея, надо полагать, рекомендации Катарини, но какие-то обвинения Вургенвайна, задевающие честь Хиршмана, настигают его и в Инсбруке. Вспыльчивый Зигмунд прогоняет его со своей службы, и только предьявление Хиршманом некоего нотариального акта заставляет князя снова вернуть ему свое расположение⁵⁴. Именно тогда Хиршман и пишет свое сочинение, адресуя его советнику тирольского герцога, но почему-то обращаясь к читателю, как к князю: “милостивый государь”. Эти обращения показали адресату излишними, и он сделал особую пометку в конце рукописи: «Слова “милостивый государь” я сам дважды зачеркнул, потому что по отношению ко мне они неуместны». Такую похвальную скромность получателя-цензора проще всего объяснить тем, что он заказывал Хиршману записку не для своего личного пользования, а с целью передачи ее своему господину герцогу Зигмунду. Между прочим, если именно Зигмунд был подлинным заказчиком этого сочинения, то сразу же проясняется немаловажный источниковедческий вопрос, почему “отчет” Хиршмана оказался в семейном архиве Габсбургов.

Хиршман, надо полагать, тоже понимал, кто именно на самом деле побудил его к сочинительству – нельзя же в самом деле его ошибку в обращении к читателю объяснять незнанием принятых при дворах немецких князей норм обращения. Зачем этот текст был нужен Зигмунду – сказать непросто, но во всяком случае вряд ли для удовлетворения собственного любопытства – ведь Хиршман, по собственным словам, уже неоднократно рассказывал при тирольском дворе все, что знал. Зигмунду явно был нужен документ: письменные показания, которые можно было бы при случае использовать – только вот с какой целью? Между прочим, в политическом отношении смерть эрцгерцога была скорее на пользу Зигмунду, ведь в 1463 г. он был меньше всего заинтересован в том, чтобы неуравнове-

шенный Альбрехт возобновил войну против императора – тирольский князь получил уже от нее все возможные выгоды и стремился теперь к прочному замирению с Фридрихом...

О Хиршмане известно лишь то, что он сам о себе сообщает. Шваб родом, что недвусмысленно показывает его диалект, выходец, вероятно, из мелкого дворянского рода, Хиршман был в 1463 г., скорее всего, молодым человеком около 20 лет от роду, а то и моложе, хотя под собственным пером он временами становится похож на выдавшего вида и набравшегося жизненного опыта дядьку-служителя при юном господине. Намеки на относительно юный возраст автора разбросаны в тексте. Это, собственно говоря, уже и сама занимаемая им должность, и обращение к нему сорокалетней маркграфини Катарини “сын мой”, и предложение Хиршману забрать панцирь на память о покойном князе (вряд ли такой сувенир подошел бы человеку преклонных лет). Облик у Хиршмана, наверное, был вполне цветущим, иначе зачем было бы врачу говорить, что герцог “здоровее Хиршмана”. О том, что Альбрехт охотно принимал в число своих ближайших служителей порой очень молодых людей, недвусмысленно свидетельствуют уже цитировавшиеся воспоминания Георга фон Эингена, ставшего лет за десять до описываемой истории в весьма юном возрасте довереннейшим камергером герцога.

Роль Хиршмана при дворе и почетна и несколько странна. С одной стороны, он в числе самых приближенных к эрцгерцогу лиц, но с другой – является и как бы его шутком. Придворные измывались над ним, чтобы повеселить своего господина, а герцог, в свою очередь, не раз использовал по отношению к привратнику обращение “дурак” (“шут”), которое, кстати, рассказчик не считает необходимым “забыть” в своих записках. В то же время у этого “дурака” есть какие-то не вполне понятные конфиденциальные соглашения с герцогскими советниками и представителями австрийской знати. Он берет на себя обязательство сообщить им, если герцог окажется при смерти. Эта договоренность успела сложиться в считанные дни болезни герцога, которую к тому же пытались от всех скрывать? Или же Хиршман давно уже знает “на всякий случай”, что он должен предпринять, если его сеньор вдруг окажется у последней черты? Надо сказать, что Хиршман вообще проявляет необычно много самостоятельности для простого привратника. Скорее от старшего рангом камергера Найдекера следовало бы ожидать, что он начнет рассылать гонцов, созывать советников, сберегать от почти ритуального разграбления вещи покойного... Но здесь следует обратить внимание еще на одно немаловажное обстоятельство. Современники говорили о том, что при дворе Альбрехта сильное влияние принадлежало некоей “швабской партии”. Именно интриги “швабов” якобы привели к тому, что импульсивный эрцгерцог вдруг прогнал своих заслуженных советников⁵⁵. Найдекер к “швабской партии” никак не

может быть отнесен – его известный в австрийской истории род берет свое начало в Крайне. Однако в правдивом рассказе Хиршмана, действительно, фигурируют два шваба, относящиеся к ближайшему окружению эрцгерцога и пользующиеся его полным доверием. Первый из них – это сам автор, а второй – не кто иной, как Йорг фон Штайн. Попасть ко двору князя – дело отнюдь непростое, здесь по большей части требуется протекция родственника, сенюра, влиятельного земляка. Если допустить, что Хиршман – креатура фон Штайна, многое сразу же становится на свои места. Понятными оказываются и подозрения придворных и горожан в отношении Хиршмана, и допросы, которым его то и дело подвергали, и оправдательный тон, время от времени звучащий в записке. Легко объясняются, кстати, и та доброжелательная сдержанность, с которой Хиршман пишет о фон Штайне, и та временами неделикатная настойчивость, с которой он же направляет поиски возможного убийцы в другую сторону, указывая на врача и аптекаря...

История, рассказанная нам привратником эрцгерцога, интересна отнюдь не одной лишь своей детективной стороной. В чем бы ни состояли субъективные цели сочинителя, в нее попало много тех самых “ненужных деталей”, которые, по словам Р. Барта, как раз и создают “эффект реальности” повествования⁵⁶ – эффект, который испытывает, наверное, любой сегодняшний читатель записки Хиршмана⁵⁷. Мы как бы оказываемся в мрачноватых стенах Венского замка и в течение нескольких дней и ночей следим за жизнью герцогского двора, причем в самых драматических эпизодах сила сопереживания едва не принуждает нас принимать в ней участие.

Двор этот предстает как узкий круг лиц (характеры некоторых из них в какой-то степени удается даже почувствовать или угадать), объединенных вокруг фигуры его главы – герцога. Это сообщество несколько напоминает большую семью, хотя по сравнению с ней оказывается эфемерным – оно распадается и исчезает еще прежде того, как было предано земле тело Альбрехта. И тем не менее такое сопоставление кажется в данном случае вполне уместным – ведь приближенные эрцгерцога действительно заменяют ему семью. Альбрехт вступил в 1452 г. в брак с пфальцграфиней Мехтильдой⁵⁸, овдовевшей графиней Вюртембергской, по причинам сугубо материального свойства и, похоже, так и не проникся симпатией к своей жене. Детей у этой четы никогда не было, встречались супруги весьма редко, разбегавшись вскоре после свадьбы. Последний раз они виделись за четыре с половиной года до смерти эрцгерцога на “нейтральной почве” – в Аугсбурге⁵⁹. Мехтильда воспитывала сына от первого брака – будущего известного вюртембергского графа, покровительствовала гуманистам и художникам, основала университет в Тюбин-

гене. В XVI в. некоторые писатели намекали, что нравы при дворе Мехтильды отличались редкостной раскованностью, однако никаких подтверждений этим поздним и, возможно, недобросовестным слухам не обнаружено. В жизнелюбии Альбрехта, напротив, сомневаться не приходится. Он не только любил, по словам знавших его людей, “отягощать столы пирами”, возвращаясь домой глубокой ночью⁶⁰, но и отнюдь не чурался разнообразных любовных утех. Говорят, у него было немало амурных историй, а сохранившаяся счетная книга за 1444 г. документально свидетельствует, что Альбрехт регулярно тратил деньги на публичных женщин – “freyen” или “gemainen tochter”, как их именует источник⁶¹.

Возможно, что глухой намек на последний роман эрцгерцога содержится и в рассказе Хиршмана. Даже в шоке после внезапной смерти сенюра Хиршман не забывает о бархатном поясе с кошельком, который он выносит в числе немногих предметов из спальни эрцгерцога. Происхождение этого пояса автор описывает двумя рублеными фразами, вторая из которых больше похожа на вставку довольно лукавого свойства: “Его [пояс] дала ему [эрцгерцогу] супруга одного рыцаря. Его [пояс] он [эрцгерцог] у нее выиграл в карты”⁶². О значении пояса ничего не знают не только советники, но и камергер Найдекер, в противном случае именно ему следовало бы заняться его выносом и доставкой хозяйке. Нужными сведениями располагает, очевидно, только Хиршман, бывший, как уже известно, доверенным в секретных делах (geheim) у покойного. Якобы “выигранный в карты” пояс – предмет, имеющий, между прочим, эротическую символику, – Хиршман почему-то считает необходимым возратить бывшей владелице (разве проигранное в карты отдают обратно?) и находит для этого время в далеком не простые для него самого дни – между арестами, допросами и явками в суд. Именно дамы автор не называет, хотя в его рассказе вообще-то нелегко встретить анонимных персонажей – Хиршману важны свидетели, способные подтвердить достоверность сообщаемых сведений.

За исключением загадочного бархатного пояса, ничто не свидетельствует в рассказе Хиршмана о присутствии при дворе Альбрехта женщин, тем более о том, чтобы какие-нибудь из них участвовали в уходе за ним. Лишь во время мессы и прощания с умирающим читатель вправе на свой страх и риск предположить, что среди “многочисленного народа”, собравшегося в покоях герцога, мелькали и женские фигуры. Скорее всего, и в Хофбурге не обходились вовсе без женской прислуги, но для Хиршмана она лишена всякого значения. Собственно придворные дамы – фрейлины – не могли быть в Венском замке, поскольку остались, естественно, при дворе эрцгерцогини Мехтильды. Фрейлины сопровождали в Вену маркграфиню Катарину – за одним столом с ними Хиршман будет обедать в первые недели после смерти Альбрехта, но ни одна из придворных дам

маркграфини не появляется, согласно “отчету” Хиршмана, в Хофбурге.

Более того, и сама родная сестра Альбрехта (между прочим, очень похожая на него лицом⁶³) не показывается у постели умирающего – она внезапно узнает не о болезни, но уже о смерти брата. Хиршману почему-то даже не приходит в голову послать за Катариной скорохода тогда, когда он созывал влиятельных персон к смертному одру эрцгерцога. Возможно, здесь вновь свою роль сыграла политика, и маркграфиня воспринималась придворными эрцгерцога (вследствие отношения самого эрцгерцога, разумеется) больше как посредница в переговорах с императором, нежели как ближайшая родственница Альбрехта. Душераздирающий даже в переложении гуманистической латынью плач Катаринины над телом брата, приводимый другим современником, должен вроде бы свидетельствовать о том, что для нее-то любовь к младшему из братьев была выше политических интересов.

О том же, кстати, говорит и одно сохранившееся в архиве недатированное письмо Катаринины Фридриху III⁶⁴. Обращаясь к “любимейшему государю и брату”, Катарины объявляет, что она страдает от тяжелейшей болезни и уже готовится оставить этот свет, приняв, как и положено христианской княгине, таинств. И хотя адресат обычно не откликнулся на ее просьбы, она надеется, что хотя бы эту (то есть, возможно, последнюю) он исполнит. Маркграфиня узнала от приехавшей сестры, саксонской княгини Маргареты, что тело их брата Альбрехта якобы брошено в какой-то “домишко” (или даже сарай – *in eyn hublin*). Маркграфиня слезно молит императора ради Господа, Богоматери и чести Австрийского дома вмешаться. Слишком многие знают о конфликте между братьями и могут подумать, что такое обращение с телом эрцгерцога вызвано соответствующим распоряжением императора⁶⁵.

Письмо, к сожалению, трудно датировать, не располагая подробным итinerary обеих сестер – Катаринины и Маргареты⁶⁶, тем не менее из его строк и, особенно, из общего его взволнованного тона вроде бы вытекает, что Катарины трудно отнести к недоброжелателям Альбрехта, как после смерти, так, скорее всего, и при его жизни. Впрочем, и она была кровно заинтересована в том, чтобы гражданская война в Австрии не возобновлялась. Кстати, ее неожиданное отсутствие дома при визите брата несколько странно и может быть при желании истолковано как нежелание Катаринины с ним встречаться. Если же принять во внимание, что в XV в. были яды, способные начать действовать не сразу, а, например, через неделю, то теоретически герцог мог быть отравлен еще на торжествах в день св. Катаринины Александрийской – разумеется, если он вообще был отравлен...

Итак, двор во многом заменяет Альбрехту семью – здесь он находит необходимый набор эмоциональных контактов и в своих при-

дворных видит тот круг людей, которые должны быть с ним в минуты торжества и страдания. Запертая дверь спальни или горницы отделяет от прочего придворного мирка небольшую группу наиболее доверенных лиц, почти каждое из которых мы знаем по имени. И внутри этого, как уже говорилось, мужского сообщества устанавливаются столь тесные отношения, что их можно было бы назвать телесными или плотскими, не влеки такие определения за собой ассоциаций эротического свойства.

Близкие герцогу люди в дни болезни – это те, кто имеет доступ к его все более слабеющему телу, причем не мистическому, “государственному”, а ко вполне природному. Найдекеру и Хиршману герцогская плоть открыта во всех своих проявлениях и известна почти как собственная. Хиршман должен знать, что случилось с телом его сеньора во Фрайбурге, он должен помнить, какая именно рука у того повреждена, рассматривать страшную “шишку”, следить за сбором порций мочи для врачебного анализа. Но ведь и собственную плоть Хиршман (точно так же, как и Найдекер или, скажем, пономарь) не воспринимает как вполне суверенную. Когда Хиршман спит в одной кровати с Найдекером, когда он укладывается “в пот” больного герцога, когда позже надевает перед сном “слегка запачканный” рвотой Альбрехта ночной колпак, он ощущает границу между собственным телом и телом своего ближнего явно иначе, чем современный европеец. Телесное существо герцога защищено лишь немногим более. Ни о какой неприкасаемости тела государя, провозглашавшейся в монархиях нового времени, в нашем случае нет и речи – по крайней мере для тех лиц, что изображены Хиршманом. Правда, при всех ночных переменах кроватей ни Хиршману, ни Найдекеру, ни обоим сразу не приходит в голову улечься на ложе Альбрехта...

Все отправления тела эрцгерцога оказываются публичными и значимыми. О каждом из них Хиршман подробно рассказывал, по его собственным словам, многократно и различным людям – от сестры покойного до каких-то тирольских дворян. Оно и не мудрено: проявления телесной сущности эрцгерцога Альбрехта в последние его часы имели для Хиршмана и его слушателей самое непосредственное отношение и к политике, и к справедливости, и к истине, и к преступлению.

Вот эрцгерцог отправляется в нужник – и за ним следуют все, собравшиеся в спальне. Странная и тягостная сцена разворачивается там – своего рода инверсия торжественной репрезентации мощи государя. Вместо парадной залы – чуланчик. Вместо яркого света – единственная свеча Хиршмана. Вместо трона – стульчак, вместо торжественных облачений – шлафрок и ночной колпак. Впрочем, и тут по сторонам от государя – его служители. Они почтительно поддерживают его, правда, один из них – тот самый фогт, что сбежит после смерти герцога и будет заподозрен в измене. “Невольно символичес-

кий” смысл этого случайно поставленного действия прочитывается без труда: вместо торжествующего величия государя – персонализации всеобщего принципа власти, вечного, как сам Бог, властвующий над миром, – плотская немощ тварного существа, истерзанного предощущением совсем уже близкой смерти. Драматизм этого внезапного “выпадения” жалкого в своей слабости “тела природного” из блистательных покровов не подверженного тлению “тела политического” лучше всего, может быть, отразился в маленькой детали – обращении придворных со взятой со стола бумагой. Канцелярская бумага, которая совсем еще недавно служила передаче воли правителя, изложению его политических желаний и донесению их до исполнителей и прочих подвластных лиц, вдруг лишается всех своих “государственных” функций и превращается в простую подкладку под замерзающие босые ступни страдающего человека.

Протокольное повествование Хиршмана позволяет с точностью едва ли не до минуты уловить тот перелом, когда муки собственного естества оказываются для человека важнее и сильнее всех иных обстоятельств, еще совсем недавно определявших его личность. В первые дни болезни герцог держится перед немногими посвященными в его беду людьми с подчеркнутой бодростью, конечно же, не потому, что опасается распространения опасных для его политических планов слухов. Его поведение перед лицом загадочной и опасной болезни определяется усвоенными с воспитанием и в ходе общения с другими людьми его круга этическими нормами.

Герцог болеет так, как должен болеть рыцарь – с досадливым и брезгливым презрением к любой своей немощи, тем более “плебейской”. Тяжелая боевая рана могла бы, наверное, пользоваться несколько большим вниманием аристократа – и, может быть, именно поэтому Альбрехт так настаивает, что первопричина его неприятностей – травма, полученная во время вполне рыцарственного занятия – турнирного ристания. Тем самым он подсознательно стремится как бы оправдать и перед самим собой, и перед окружающими стыдное обстоятельство – собственную болезнь. Но бодрость эрцгерцога исчезает тогда, когда его мучения превышают меру его терпения – и с его личности начинают спадать копившиеся всю жизнь социальные покровы. Рыцарский этос утрачивает для него значение, как и любой иной – он жалуется, обвиняет врача в некомпетентности, подражая своему привратнику, стонет и кричит в голос... Происходящая на наших глазах “рассоциализация” идет стремительно – за несколько часов человек в результате телесных мук выпадает из всех видов общественных связей, изо всех взятых на себя социальных ролей – он остается совершенно один с собственным физическим страданием – и со смертной тоской, наполняющей душу.

Этого состояния умирающего очень не любили передавать средневековые (и не только средневековые) авторы. В официальных

сообщениях о смерти того или иного князя, как правило, присутствовала формула о том, что тот почил в мире, и притом совершенно так, как и положено скончаться христианскому государю. Писатели, преследовавшие какие-либо политические или же воспитательные цели, могли живописать мучения умирающих грешников и просветленность готовящихся к лучшей жизни праведников. Но во всех этих – как официально-нормативных, так и публицистически заостренных – рассказах умирание представлено в конечном счете как процесс социальный. Хиршман сумел, кажется, передать то, что стало называться и осмысляться в литературе XIX–XX вв. – экзистенциальное одиночество умирающего. (Думал ли автор о том, что его почти натуралистическое повествование может вызвать злорадство у врагов эрцгерцога – ведь кончина Альбрехта оказывается отнюдь не “официально-нормативной”, нисколько не величественной, а скорее жалкой?)

Рассказ Хиршмана не раскрыл тайны смерти эрцгерцога, может быть, даже укрыл эту тайну еще глубже. Но он с документальной достоверностью показал момент встречи человека (герцогский титул в данном случае не важен) со своей судьбой, застигшей жертву, аки тать в ночи. Не слишком оригинальная сентенция из завещания эрцгерцога Альбрехта 1461 г. “в нашем преходящем времени нет ничего более определенного, чем смерть, и нет ничего более неопределенного, чем час смерти”⁶⁷, оказалась в данном случае как нельзя более уместной.

Со смертью Альбрехта распадается и созданный им придворный мирок. Лучше всех, кажется, сложится судьба, как ни странно, у главного подозреваемого – Георга фон Штайна. В 1467 г. после долгой осады Фридрих III захватит его город Штайер, и “господин Йорг” бежит на службу к чешскому королю Иржи из Подебрад, затем в Бреслау он вступит в орден бернардинцев, но позже снова станет советником – теперь уже венгерского короля Матиаша Корвина – и будет служить ему в Силезии. Похоже, что новые господа Йорга вовсе не опасались получить от него порцию отравленного кизила. В полной безвестности кончит свои дни автор использованных здесь записок. Если бы не несколько тяжелых дней, проведенных им в венском замке рядом с больным и умирающим эрцгерцогом, кто вспомнил бы сейчас имя привратника Ханса Хиршмана, кто задумался бы о чувствах, которые испытывал когда-то этот человек⁶⁸?

Примечания

¹ Развернутая научная биография эрцгерцога Альбрехта еще не написана. См. о нем очерки разной степени полноты и подробности: Baum W. Albrecht VI (ум. 1463), Erzherzog von Österreich. Skizze einer Biographie // Sülchgau. 1987. Bd. 31. S. 23–45; 1988. Bd. 32. S. 25–60; Mraz G. Albrecht VI. // Die Habsburger. Ein biographisches

- Lexikon / Hg. von Brigitte Hamann. Wien, 1988. S. 42–43; *Brunner O.* Albrecht VI. // Neue Deutsche Biographie. Berlin etc., 1953. Bd. 1. S. 170; *Krones F.* Albrecht VI. // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1875. Bd. 1. S. 285–290; *Zauner A.* Erzherzog Albrecht VI (1418–1463) // Oberösterreich. Lebensbilder zur Geschichte Oberösterreichs. Linz, 1982. Bd. 2. S. 18–40.
- 2 *Ebendorfer T.* Chronica Austriae. München, 1993 (воспроизведение издания: Berlin; Zürich, 1967) (MGH, Scriptores rerum Germanicarum, Nova series, 13). P. 596: "...tantam veneni infectionem ex colore, fetore et aliis venenorum pronosticis reppererunt, quod nec unquam in eorum vita in uno corpore equalem, ut asserebant, thabem perpenderunt".
- 3 Ibid: "Unde et infectionem in exenteracione verentes prorsus ab ea destiterunt ob fetorem intollerabilem et coagulati sanguinis per nares ebulicionem ac cutis fissuram suadentes, quod integrum funus terre commendaretur".
- 4 *Hans Hierszmans, Thürhüthers Herzog Albrechts VI. von Österreich, Bericht über Krankheit und Tod seines Herren. 1463 und 1464 // Sylvester-Spenden eines Kreises von Freunden vaterländischer Geschichtsforschung Wien, 1858. S. 50.*
- 5 *Ebendorfer T.* Op. cit. P. 596.
- 6 *Koch W.* "Dem got genad" – Grabformular und Aufgaben der Epigraphik // Der Tod des Mächtigen / Hg. von L. Kolmer. Paderborn etc., 1997. S. 295.
- 7 *Wiesflecker H.* Kaiser Maximilian I. Das Reich, Österreich und Europa an der Wende zur Neuzeit. München, 1971. Bd. 1. S. 68.
- 8 О дворе Зигмунда Тирольского см. прежде всего: *Ortwein M.* Der Innsbrucker Hof zur Zeit Erzherzog Sigmunds des Münzreichen. Ein Beitrag zur Geschichte der materiellen Kultur. Diss [Ms.] Innsbruck, 1936; *Kofler M., Caramelle S.* Die beiden Frauen des Erzherzogs Sigmund von Österreich-Tirol. Innsbruck, 1982 (Schlern-Schriften 269); *Maleszek W.* Die Sachkultur am Hofe Herzog Sigmunds von Tirol (ум. 1496) // Adelige Sachkultur des Mittelalters. Wien, 1982 (Veröffentlichungen des Instituts für mittelalterliche Realkunde Österreichs 5; Sitzungsberichte der phil.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 400). S. 133–167; *Baum W.* Sigmund der Münzreiche. Zur Geschichte Tirols und der habsburgischen Länder im Spätmittelalter. Bozen, 1987 (Schriftenreihe des Südtiroler Kulturinstituts 14); *Bojcov M.A.* Sitten und Verhaltensnormen am Innsbrucker Hof im 15. Jahrhundert im Spiegel der Hofordnungen // Höfe und Hofordnungen / Hg. von H. Kruse, W. Paravicini (Residenzenforschung Bd. 10). Sigmaringen, 1999. S. 243–283.
- 9 См. об этом эпизоде: *Бойцов М.А.* Германская знать XIV–XV вв.: приватное и публичное, отцы и дети // Человек в кругу семьи. М., 1996. С. 249.
- 10 "Und aber alß ich auff wuochs zuo den manbarn jaren und meiner sterckin befand, beduchte mich mir baß anzuostend zu ainem arbttsamen fürsten zuo kumen, mich in ritterlichen handlungen zuo gebruchen und alle ritterspil zuo lernen" / (*Ehrmann G.* Georg von Ehingen, Reisen nach der Ritterschaft. Edition, Untersuchung, Kommentar. Teile 1–2. Göppingen, 1979 (Göppinger Arbeiten zur Germanistik, 262). S. 20–21).
- 11 "Der selbig hertzog Albrecht hett nun vil treffelicher lewt und hielt kostichen, fürstlichen, ja wol küniglichen hoff" (Ibid. S. 21). Ниже (S. 22) Георг фон Эинген говорит, что при дворе Альбрехта было "множество людей из разных земель" ("...den es waren so vil und mangelray lytten uß vil landen an dem hoff").
- 12 *Wiesflecker H.* Op. cit. S. 71.
- 13 *Meuthen E.* Zum Itinerar der deutschen Legation Bessarions (1460–1461) // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1957. Bd. 37. S. 382–333, специально о времени пребывания в Вене см.: S. 332–333.
- 14 Подробнее см.: *Csendes P.* Wien in den Fehden der Jahre 1461–1463. Wien, 1974 (Militärhistorische Schriftreihe Bd. 28).
- 15 Мюнцмайстер стоял во главе "комитета" из 48 венских бюргеров, регулировавших чеканку монеты, обменные операции и денежное обращение по всей Нижней Австрии.
- 16 *Dreger M.* Baugeschichte der k. k. Hofburg in Wien, Wien, 1914 (Österreichische Kunsttopographie 14). S. 52.

- 17 Яркий пример такой манеры поведения в пространстве ритуала, которая приводит к фактическому изменению смысла всего действия на противоположный, см.: *Дмитриева О.В.* Йоркширский "Расемон" (провинциальная трагикомедия елизаветинских времен) // Казус-1999. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999. С. 310–316.
- 18 См. скупой биографический очерк о ней: *Hamann V. Katharina // Die Habsburger...* S. 235. В 1446 г. Катарина вышла замуж за Баденского маркграфа Карла I, родила ему шестерых детей и на 18 лет пережила супруга.
- 19 *Ebendorfer T.* Op. cit. P. 596.
- 20 Ibid. P. 576.
- 21 Ibid. P. 584.
- 22 Ibid. P. 595.
- 23 Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien. Das Habsburg-Lothringische Familienarchiv. Familienakten. Karton 60. (Далее: HHStA). Fol. 108v [158v] (письмо Катарины к Фридриху III, без даты): "...ich weiß eyn wissen / das er euch von herten mit truwen gemeyn / hat. vnd hülf mir gott, das ich mocht / zu vch komen, so wolt ich vverm gnaden / wol sagen, was er vvernthalt vil / mit mir geredt hat viertzeihen tag vor / sinem tod".
- 24 *Ebendorfer T.* Op. cit. P. 596.
- 25 В конце своего правления Зигмунд, опасаясь Фридриха III и его приверженцев, сделал попытку передать свое княжество баварским Виттельсбахам.
- 26 *Hanns Hierszmans ... Bericht...* S. 31: "...vnd desselben meins gnädigen herren Raeten vnd Lantleuten, vnd besonnder meinem g. H. Herzog Sigmunden etc. mer dann ain mäl auch gesagt hab".
- 27 HHStA. Fol. 102–107v.
- 28 Первое издание (с ошибочной атрибуцией), подготовленное Й. фон Хормайером, вышло в 1811 г.: Archiv für Geographie, Historie, Staats- und Kriegskunst. Следующее и существенно более качественное было предпринято Т. фон Караяном и публиковалось дважды без изменений: *Hanns Hierszmans, Thürhüthers Herzog Albrechts VI. von Österreich, Bericht über Krankheit und Tod seines Herren. 1463 und 1464 // Sylvester-Spenden eines Kreises von Freunden vaterländischer Geschichtsforschung. 1858. S. 23–51; Karajan Th. G. von.* Kleinere Quellen zur Geschichte Österreichs. Wien, 1859. S. 31–51. На основании последней публикации текст воспроизводился также в: *Deutsche Chroniken / Hg. von Herman Maschek.* Leipzig, 1936 (Deutsche Literatur, Reihe Realistik des Spätmittelalters. Bd. 5). S. 271–285.
- 29 Далее используется первая публикация Караяна. Ссылки на страницы этого издания даются в тексте в круглых скобках. Выборочная сверка с архивным подлинником выявила небольшие текстуральные расхождения с публикацией и заметные различия с ней в орфографии. Причина этого состоит скорее всего в том, что издание Караяна готовилось не с оригинала непосредственно, а со списка 1817 г. (сделанного и официально заверенного венским архивистом). Он ныне хранится в Австрийской Национальной библиотеке: svr 13801, fol. 91 и далее; ср.: *Lhotsky A.* Quellenkunde zur mittelalterlichen Geschichte Österreichs. Graz; Köln, 1963 (Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung, Erg. Bd. 19). S. 370.
- 30 Ibid.
- 31 *Lorenz O.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter seit der Mitte des dreizehnten Jahrhunderts. Berlin, 1886. Bd. I. S. 186; *Keil G.* Hierszmans, Hanns // Deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon. (Далее: VL) Berlin; New York, 1981. Bd. 3. Sp. 1238–1239; *Rupprich H.* Das Wiener Schrifttum des ausgehenden Mittelalters // Sitzungsberichte der österreichischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. Bd. 228/5. 1954. S. 182.
- 32 *Lhotsky A.* Op. cit. S. 370.
- 33 См., например, споры о том, была ли подлинной причиной смерти эрцгерцога бубонная чума или же заражение крови от не вскрытого вовремя карбункула: *Kühnel H.*

- Die Leibärzte der Habsburger bis zum Tode Kaiser Freidrichs III // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. 1958. Bd. 11. S. 29–30.
- 34 Общие сведения о Хофбурге и других замках Габсбургов см.: *Schütte U.* Das Schloß als Wehranlage. Darmstadt, 1994. S. 13–34.
- 35 *Dreger M.* Op. cit. S. 41.
- 36 *Ibid.* S. 44, 340.
- 37 Эту должность занимал с 19 сентября 1462 г. некий Йорг Кремпель (ум. ок. 1470–1474), вошедший за месяц перед тем в состав городского совета Вены во главе с Хольцером, образованного мятежниками после свержения проимператорского правительства города. Свое место в городском совете Кремпель сохранял и после того, как стал княжеским келлермейстером. В заговоре Хольцера был признан, очевидно, не замешанным. После смерти Альбрехта имя Кремпеля в списках должностных лиц более не встречается. В обязанности келлермейстера входило управление княжескими виноградниками. См.: *Perger R.* Die Wiener Ratsbürger 1396–1526. Ein Handbuch. Wien, 1988. S. 26, 95–97.
- 38 "...es ist noch ain köczlin pey mier gewesen, das ist hrausz, nu pin ich erst gar genesen... secht ir, ich kan mich wol ertzneyen, vnd wollt doch nichtz daruon halten" (34).
- 39 "Do erschrack ich als ubel, das ich nitt west, was ich sagen solt" (35).
- 40 *Baum W.* Albrecht VI... Bd. 32. S. 56.
- 41 См. о нем прежде всего: *VL*. Bd. 7. Berlin; New York, 1987. Sp. 905–910, а также: *Kühnel H.* Heilkunde in Wien // Studien zur Geschichte der Universitat Wien. Graz, Köln, 1965. Bd. 5. S. 9, 74–65.
- 42 См. о нем: *VL* Bd. 4. 1983. Sp. 1150–1154; *Perger R.* Op. cit. S. 95–97, 79.
- 43 "Also assen wiew den krapaunen vnd truncken die Brü gar ausz" (37).
- 44 Териак – универсальное средство от многих болезней и, в особенности, от ядов органического происхождения. Изобретателем этого чудо-средства считается врач императора Нерона Андромак Критский.
- 45 "Vnd tetten mir vil boszhait, damit er vber si lachen wurd, als er auch tett" (40).
- 46 "... vnd da der stulgang seinen gangk gewan, da ward er sich krymen vnd rören als ain ochsz, vnd ward blaich vnd bisz die zän auff ainander, das man ims auffgewinnen must".
- 47 "...und was grosz layd under uns allen" (44).
- 48 *HHStA. Fol. 107.* "... vnd als si nu gen hof komen, do hat man acht dartzu geben, benant / lich zwen von den prelaten, zwen von den lanntherren, zwen von / den Raten vnd zwen von der gemaind". В публикации Караяна в этом абзаце содержится весьма показательный пропуск – издатель "забыл" двух прелатов.
- 49 Когда племянник Альбрехта, император Максимилиан, готовился к смерти (1518), он велел не бальзамировать после кончины свое тело. Более того, чтобы не осталось следа от суетности земной жизни, император приказал остричь волосы на своей мертвой голове, выбить трупу зубы, высечь его розгами, осыпать известью и пеплом для скорейшего разложения, а затем положить его в два холщовых мешка и в таком виде выставить на всеобщее обозрение как воплощение бренности всякой земной власти (подробнее см.: *Schmid P.* Sterben – Tod – Leichenbegängnis König Maximilian I // *Der Tod des Mächtigen.* S. 185–215, особенно S. 203). Такое смирение вовсе не было принятым, по крайней мере в доме Габсбургов, и свидетельствовало прежде всего об особенностях индивидуального благочестия Максимилиана. Император сознательно выбирает далеко не княжескую форму погребения, чтобы посредством унижения возвыситься. Исключительное личное смирение Максимилиана только подтверждает, что, например, засыпание мертвого тела известью должно было восприниматься современниками как весьма мало почетный способ обхождения с трупом. Трудно допустить, что, обдумывая свое будущее погребение, Максимилиан не вспоминал о похоронах родного дяди – Альбрехта VI, ставшего в семейной габсбургской традиции как бы воплощением "грешного князя".
- 50 См. статью: *Leichenfetisch* // *Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens.* Berlin, 1987. Bd. 5. Sp. 1063–1067, а также: *Leichenkleidung* // *Ibid.* Sp. 1068–1081.

- 51 Т. Эбendorфер на нескольких страницах пересказывает ее надгробный плач: *Ebendorfer T.* Op. cit. P. 596–599.
- 52 "Darauf sprachen die raet: sie glaubten das ich in recht zuogesagt het, vnd gelaup mein gnaedige frau vnd ir raet nit, das her Jörg kainerley schuld daran gehept het, vnd belibent auch auf der mainung" (46).
- 53 "...dann si wist, das ich meinem herren gehaim gewesen was" (45).
- 54 Нотариальным актом можно было подтвердить, разумеется, не верность Хиршмана своему господину, а, например, его дворянское происхождение или же факт рождения в законном браке.
- 55 *Ebendorfer T.* Op. cit. P. 595.
- 56 *Барт П.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 392–400.
- 57 Возможно, некоторые из таких деталей вовсе не были "лишними" (в бартовском же понимании) для самого рассказчика и как-то играли на воплощение его замысла, но поскольку тот смысл, которым они обладали для Хиршмана, до нас не дошел, то нами они воспринимаются как необязательные для основного хода повествования, как избыточные в развитии сюжета, и оттого-то автор так удивляет нас информативной щедростью своего рассказа.
- 58 См. о ней: *Scholz G.* Mechthild von der Pfalz // *Fürstliche Witwen auf Schloß Böblingen.* Böblingen, 1987. S. 37–44, 110–114. О заключении брака см.: *Baum W.* Albrecht VI... Bd. 31. S. 35, 40.
- 59 *Baum W.* Albrecht VI... Bd. 32. S. 40.
- 60 "Convenit magnificencia tanto principi, quantus es, verum non rapina, neque prodigalitas, neque luxuries ac superfluitas, olim in Alberto Archiduci notavi, qui sera revertens nocte domum dapibus mensas onerabat inemptis" (*Huber O.* Ein Prinzenspiegel für den jungen Maximilian I // *Archiv für Kulturgeschichte.* 1961. Bd. 41. S. 52–61).
- 61 *Maier G.M.* Ein Rechnungsbuch Albrechts VI. von Österreich aus den Jahren 1443–1445. Wien, 1989. (Ms.). S. 148, 188, 192, 206, 288, 336, 344, 346.
- 62 "Den hat im ains ritters weib geben. Den hat er ir mit karten abgewunnen" (45).
- 63 Она сама об этом говорит в передаче Т. Эбendorфера: "quis enim te aspexit, qui preter sexum me non vidisse putaret?" (*Ebendorfer T.* Op. cit. P. 597).
- 64 *HHStA. Fol. 108–108v* [158–158v].
- 65 "Allerdurchluchtigster liebster Herre vnd bruder. / ich verkund euch, das ich in swarer / kranckheit lig, mit beiden heiligen / sacramenten bewaret, zu gott / hoffend, souerr sin göttlicher wille sy, / mich von diser welt zu beruffen, als / ich mich gantz vnd williglich darin / hän ergeben, Ich wölle als eyn Cristliche / furstynn stryten vnd in gnaden gotts / van hynnen scheiden. ist dann der wille / gotts, daß ich lenger in diser zyt sin sol / wil ich mynen willen deshalb auch / in sines göttlichen willen setzen.
- Allerliebster herre vnd bruder, mir hat / myn swester von sachsen (als sie lest / zu Baden was) gesagt, wie ir gesagt / habt, vnsers bruders hertzog albrechts seligen / lychnam solle in eyn hußlin geworffen / worden sin. Habt Ir nun mich ye keyner / beet gewert so wolt mich doch diser / beet nit vertzyhen, vnd es vmb gotts / vnd siner wirdigsten muter willen tutt / vnd vwrn vnwillen, den er vmb ver- / schult hett, abstellen vnd dem huß österreich / zu eren ine wider her fur zutund schaffen...
- Gnedigster liebster herr. Ich bitt vch flyßlich dißs ding / zuhertzen zenemen, diewil menglich / wuel das vnser bruder selig vch ser fast / erzurnt hat gehabt vnd in großem vnwillen / ist kein ew gestanden. solt es dann nit also / widerbacht werden, besorg ich, vwrn / gnaden möcht nachgesagt oder gedacht werden, als ob / es vwers willens were, das bitt ich vwer / gnad zubedencken. wann ich weiß eyn wissen / das er euch von hertzen mit truwen gemeynt / hat. vnd hulff mir gott, das ich mocht / zu vch komen, so wolt ich vwrn gnaden / wol sagen, was er vwerthalb vil / mit mir geredt hat viertzeihen tag vor / sinem tod. vnd bitt vch daruff, liber herre vnd bruder, das ir ansehent, das es gott / eyn gros mißfallen wer, sölten ir nit / darzu tun. besunder getruw ich ir sehent / an bruderlich frau vnd gotts forcht, die ir / als eyn Cristlicher keiser vnd haubt der / Cristenheit sunderlich hand".

- 66 Возможно предположить, что оно относится ко времени возвращения императора в Вену. Он не спешил в город, последний визит в который был связан у него со столь неприятными воспоминаниями, и появился там только в декабре 1469 г.
- 67 "...in dis vergenglichen zeit nicts gewisseres ist dann der tod und ungewissers dann die stund des tods" (*Baum W. Albrecht VI... Bd. 32. S. 58*).
- 68 Когда эта глава уже была сдана в издательство, автор получил, благодаря любезности венского коллеги д-ра Хервига Вайгля, оттиск новейшей австрийской публикации о записке Хиршмана и страданиях умирающего эрцгерцога Альбрехта: *Hayer G. Krankheit, Sterben und Tod eines Fürsten. Ein Augenzeugenbericht über die letzten Lebenstage Herzog Albrechts VI. von Österreich // du guoter töt: Sterben im Mittelalter – Ideal und Realität / Hg. von M.J. Wenninger. Klagenfurt, 1998 (Schriftenreihe der Akademie Friesach. Bd. 3). S. 31–50*. Расстановка ряда существенных акцентов в работе Г. Хайера и само ее композиционное построение (следование повествованию Хиршмана) весьма близки к тому, с чем читатель мог ознакомиться на предыдущих страницах. Главная цель Г. Хайера – показать на основе столь самобытного источника "реалистическую картину смерти" одного из сильных мира сего, чтобы с ее помощью опровергнуть мнение о том, что в средние века, вследствие большей значимости для человека христианского миропонимания, смерть якобы встречали с меньшими страданиями, чем в новое время. Помимо нескольких интересных историко-медицинских наблюдений, Г. Хайер делает ряд существенных "историко-психологических" предположений. Так, он сомневается в том, что Хиршман сочинил свою записку по косвенному заказу Зигмунда, поскольку последний, дескать, уже неоднократно слышал его рассказы и не нуждался еще и в письменной их фиксации. Кроме того, Г. Хайер почти уверен в том, что маркграфиня Катарина сознательно "не пожелала принять" своего брата, приехавшего с ней с визитом в тот самый день, когда началась его болезнь. Он также полагает, что Хиршман при первом же взгляде на "шишку" под мышкой у герцога определил ее как вероятный симптом бубонной чумы, что во многом и определило последующие действия привратника.

Оглавление

Идеи и подходы

- Глава 1. Проблема (Ю.Л. Бессмертный) 7
Глава 2. Метод (Ю.Л. Бессмертный) 16

Семейные заботы, радости и печали

- Глава 3. Алессандра Строцци и ее семья (Флоренция, XV век) (М.Л. Абрамсон) 29
Глава 4. “Что в имени тебе моем?..” Семья и имя во Фландрии XII–XIII веков (П.Ш. Габдрахманов) 70
Глава 5. Мир чувств русской дворянки конца XVIII – начала XIX века: сексуальная сфера (Н.Л. Пушкарева) 85
Глава 6. Русский горожанин конца XVIII – первой половины XIX века (по материалам дневников) (А.И. Куприянов) 120

Друзья и враги

- Глава 7. Эллины античного мира в кругу друзей (И.С. Свенцицкая) 149
Глава 8. Дружба и друзья в представлениях французов XVII века (по сочинениям Ларошфуко) (А.В. Стогова) 192
Глава 9. Друзья и гости в Древнем Китае (Эпоха Западного Чжоу - период Чуньцюю. XI–V вв. до н. э.) (М.С. Хаятина) 221

В мире страданий: восприятие смерти

- Глава 10. Скорбь о близких в XII–XIII веках (по материалам англо-французской литературы) (Ю.Л. Бессмертный) 243
Глава 11. В ожидании смерти: молчание и речь преступников в зале суда (Франция, XIV век) (О.И. Тогоева) 262
Глава 12. Герцог, его слуга и смерть (Австрия, XV век) (М.А. Бойцов) 303
Глава 13. “Отходя от света сего...”. Частная жизнь московской элиты XVII века через призму завещаний (О.Е. Кошелева) 339

Странные люди

Глава 14. Обращение в монашество в мыслях и чувствах монаха XI века (К проблеме личности Отлоха Санкт-Эммерамского) (<i>Н.Ф. Усков</i>)	389
Глава 15. Десять странных парижан (<i>П.Ю. Уваров</i>)	435
Глава 16. Н.И. Новиков ("Частный человек" в России на рубеже XVIII–XIX веков) (<i>Е.Н. Марасинова</i>)	471
Глава 17. Русский художник первой половины XIX века: сфера общения и досуга (<i>О.А. Кривицун</i>)	513
Глава 18. Надежда Сергеевна Акинфова (Роман великосветской дамы по материалам III Отделения) (<i>С.А. Экштут</i>)	532

Вместо заключения

Глава 19. О мире чувств и внутреннем мире человека прошлого (<i>Ю.Л. Бессмертный</i>)	571
<i>Summary</i>	577